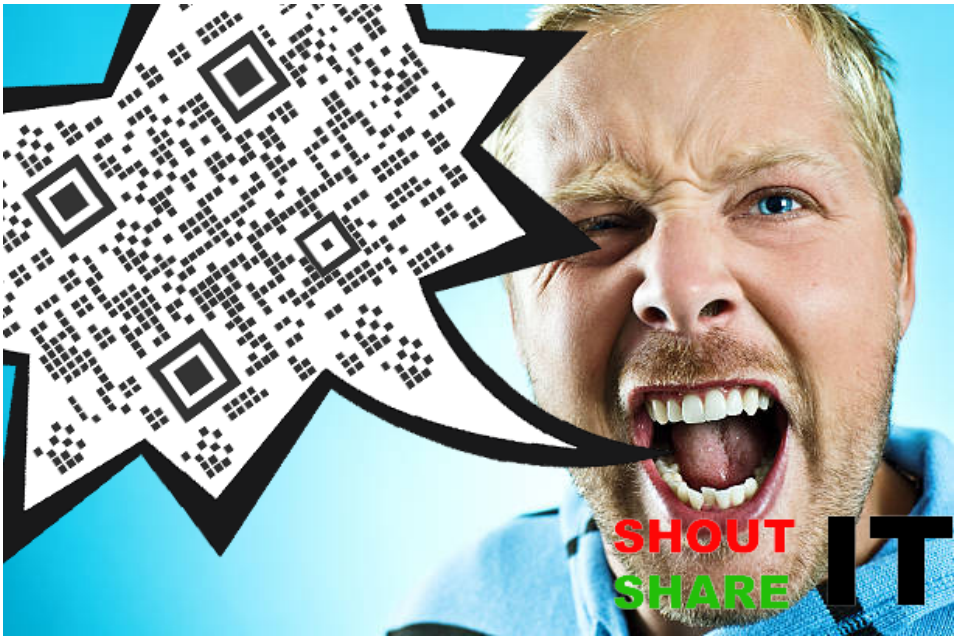
Abraham Lincoln


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- А. Каменский
  -
  - Предисловие
  - Глава I. Переселенцы
  - Глава II. Молодой работник
  - Глава III. Начало известности
  - Глава IV. Трудное время
  - Глава V. Адвокат в Спрингфилде
  - Глава VI. В конгрессе и на трибуне
  - Глава VII. Джон Браун и аболиционисты
  - Глава VIII. Президент Республики
  - Глава IX. В Белом Доме
  - Глава X. Смерть
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

А. Каменский
Авраам Линкольн
Его жизнь и общественная деятельность
Биографический очерк
С портретом Линкольна, гравированным в Лейпциге Геданом

Abraham Lincoln.

Предисловие

...Мы будем бороться с рабством... пока не добьемся, чтобы по всей этой большой стране выходил на свой дневной труд только свободный работник.

Из речи Линкольна

Авраам Линкольн, президент Соединенных Штатов в период междоусобной войны за освобождение негров, – без сомнения, одно из самых светлых и популярных имен последнего времени, уже повсеместно сделавшееся достоянием детской и отчасти народной литературы.

Этот настоящий народный герой и работник, стоявший во главе громадного государства во время кровавой борьбы с рабством, поражает не только своей энергией и талантами политического деятеля – он еще и бесконечно добрый, простой человек, с самым нежным сердцем, отзывавшимся на всякое человеческое страдание; всегда готовый к борьбе со всяким гнетом, насилием и несправедливостью.

Линкольн вырос в самой бедной среде американских переселенцев, в тяжкой работе из-за куска хлеба, среди всяких лишений и в постоянной борьбе с природой. Благодаря природному таланту и неимоверному труду он достиг самого высокого общественного положения; но на вершине славы и популярности *человек, которому близко все человеческое,* всегда преобладал в нем над политическим деятелем. В этом особенность характера Линкольна и отчасти тайна его популярности.

О политической деятельности Авраама Линкольна и смутном времени американской междоусобной войны существует целая литература. Задача этого очерка – оттенить именно те стороны и подробности жизни Линкольна, в которых, даже посреди исключительных трудностей государственного управления, выпавших на его долю, – в нем преобладают вышеназванные черты и он является неутомимым борцом за прирожденные права человека.

Составитель этого очерка главным образом руководствовался новейшей популярной биографией Линкольна соч. Фостера, а также американскими изданиями Леланда и Карпентера, “Историей Соединенных Штатов” Банкрофта и “Историей

Американской республики” Брайса, и другими.

Глава I. Переселенцы

Рождение Линкольна. – Его семья. – В Кентукки. – Первая школа. – Вражда плантатора. – Переселение в Индиану. – Жизнь поселенцев. – Ребенок помогает отцу. – Страсть к ученью. – Новые соседи. – Товарищ. – Смерть матери. – Письмо к пастору. – Второй брак отца. – Добрая мачеха. – Ее любовь к Аврааму и влияние на него. – Домашняя библиотека. – Опять неудачи со школами. – Жалость к животным. – Стремление к самообразованию. – Книга "Жизнь Вашингтона" и благородный поступок мальчика

Авраам Линкольн родился в 1809 году, в округе Гардин, штат Кентукки. Родители его были люди бедные и необразованные: отец, Томас Линкольн, потомок первых переселенцев-пуритан, поселился с женой в 1806 году в штате Кентукки, тогда еще совсем первобытном крае. Он сам срубил себе жилье из грубо обтесанных брусьев, так называемый американцами логхауз (loghouse), и своими же руками сделал всю необходимую мебель и утварь. Через год по водворении в Кентукки у него родилась дочь, а два года спустя явился на свет маленький Эб (уменьшительное от английского Abraham – Авраам), будущий президент Соединенных Штатов, Авраам Линкольн.

Отец Линкольна был совсем безграмотный, но мать умела читать. В то время в Америке еще не существовало тех общественных школ, которые теперь можно найти в каждой деревушке; а поселенцам хотелось обучить ребенка грамоте. По счастью, вблизи от них жил некий Захария Райни, человек, получивший кое-какое образование и державший у себя маленькую школу. К нему-то, по девятому году, и стали посылать маленького Линкольна. Но ученье его продолжалось недолго. На беду мальчика, его невзлюбил богатый сосед, плантатор, через владения которого проходила дорога в школу, за то, что Эб подружился с одним из его негров; он запретил ему ходить через свою плантацию, а другой дороги в школу не было. Делать было нечего, и мать решилась посылать его с сестрою в другую школу, чуть не за двенадцать верст, хозяин которой Калеб Гезели сам был человек малограмотный. Но несчастье преследовало ребенка – и здесь его ученье быстро оборвалось. Тот же богатый сосед, человек злой и властолюбивый, благодаря первому столкновению с мальчиком из-за подружившегося с ним негра, стал в такие враждебные отношения к отцу Линкольна, без всякого повода с его стороны, что последнему волей-неволей пришлось переселиться на другое место. Долго он искал покупателя на свою

землю; наконец ему предложили за нее двадцать бочонков водки и двадцать долларов (30 руб.) деньгами. Он согласился, и осенью 1816 года переселенцы двинулись на новые места, в южную часть штата Индиана.

Тяжела и трудна была жизнь первых американских переселенцев, или *пионеров,* как их называли. С семьями, забрав домашний скарб и скотину, отправлялся маленький караван на фургонах в неизведанные леса дальнего запада. Здесь они начинали новую жизнь; вырубали девственные леса, расчищали их под пашню и устраивали далеко друг от друга раскиданные первые поселки. Им предстоял непрерывный тяжелый труд, вдали от родных и близких, нужда, голод, часто смерть и всякого рода лишения. При первом поселении в Индиане в 1816 году отец Линкольна поставил для жилья грубый шалаш из вбитых в землю кольев, без пола и закрытый только с трех сторон; лицевая была открыта. Под этим навесом, или *открытым шатром,* как их называли местные жители, прожила семья Линкольна целый год, пока отец не срубил *логхауз.* Да и это новое жилье, хотя теплее и прочнее прежнего, было хуже самой бедной русской избы; оно состояло из одной комнаты без пола, с чердаком; мебели не было, кроме нескольких табуретов и грубо сколоченной из досок кровати, с листьями вместо тюфяка, где спали родители Авраама и куда они с сестрой, продрогнув на полу, залезали отогреться в холодные зимние ночи. Девятилетний мальчик усердно помогал отцу во всех работах по устройству *логхауза,* а потом и при расчистке окружающего леса. Приходилось сваливать большие деревья и выкорчевывать пни; срубленный лес складывался в груды или увозился; земля по корчевью пробораниваласъ и потом, по удалении корней, распахивалась для посева. Работали на волах, Авраам исполнял обязанность погонщика. Совсем еще ребенком он научился обращаться с винтовкой и как-то раз удивил своих домашних, явившись с большою дикою индейкой, им застреленной, которую он с торжеством передал матери. Но как ни занят был мальчик всевозможною домашнею работой, его никогда не покидало стремление учиться, которое особенно сильно проявилось в нем со времени переселения в Индиану. Дни, проведенные в школе Кентукки, не прошли для него даром, и каждую свободную от работы минуту он посвящал усовершенствованию в тех знаниях, которые он там приобрел. А их было мало: выучили его по слогам читать и немного писать. Домашние часто видели Эба по вечерам перед пылающим очагом с грубо отесанною доскою на коленях, по которой он выводил буквы обугленным концом палочки. Вся домашняя библиотека состояла из трех книг: Библии, катехизиса и азбуки; две

последние, а также многие главы из Библии он выучил наизусть. Так прошли первые три года в Индиане, ознаменовавшиеся для семьи только двумя событиями, из которых первое было радостным. В покинутом ими шалаше, рядом с новым логхаузом, появились новые жильцы-переселенцы, дядя и тетка жены Томаса Линкольна, семья Спарроу, с племянником, которого звали Денис Генкс. Появление новых соседей было источником большой радости для Авраама, потому что в Денисе он нашел себе товарища по годам; хотя мальчики были совершенно противоположных характеров, но скоро сделались близкими друзьями и остались такими на всю жизнь.

Через год в семье случилось большое горе. В то время на западе Америки свирепствовала заразная болезнь, которую называли *молочной лихорадкой;* к несчастью, она появилась и у их соседей. Вскоре после того заболели родители Авраама: отец поправился, но более слабый организм матери не вынес болезни, и через несколько дней она умерла, оставив двух сирот. Церкви поблизости не было, и отец Линкольна сам похоронил свою жену в ближайшем лесу, вырыв могилу поглубже, чтобы сохранить тело покойницы от хищных зверей. Очень мучило бедного человека сознание, что жена его погребена без церковного напутствия. Он слышал, что где-то, верст за сто от них, проживает пастор Элькинс, но не мог так далеко ехать за ним, а писать не умел. Из этого затруднения неожиданно выручил его сын. К его большому изумлению, – нужно сказать, что отец до сих пор не обращал много внимания на попытки Эба к самообразованию, – мальчик вызвался написать письмо к пастору. В ответ на это первое письмо Авраама через несколько недель явился в поселок сам пастор и отслужил панихиду на могиле его матери. Через год, когда Аврааму было уже почти одиннадцать лет, в семье его произошла большая перемена. Отец его, оставшийся без хозяйки, с двумя маленькими детьми, решил жениться во второй раз; с этой целью он поехал в Кентукки, где и обвенчался с вдовою Салли Джонстон, у которой уже было трое детей от первого мужа – сын и две дочери. С этой новой семьей Томас Линкольн вернулся в свой домик в Индиане. После смерти матери Авраам переживал самые мрачные дни, сильно грустил: эта первая потеря оставила в сердце мальчика неизгладимое впечатление. Но возвращение отца с новою матерью было для него радостным днем. Новая миссис Линкольн совсем не оправдывала общего понятия о мачехе; это была прекрасная, добрая женщина с некоторым образованием, добросовестно старавшаяся заменить сиротам родную мать, и ее сразу полюбил Авраам, к которому она относилась с особою нежностью. Кроме доброго сердца, новая

жена принесла с собою в приданое и кое-какие улучшения в скудной обстановке домика переселенцев. Дети раскрыли глаза от удивления, когда в первый раз увидели настоящие стулья и кое-какую мебель; кроме того, их прилично одели и они стали спать на настоящих постелях. Миссис Линкольн вскоре убедила мужа настлать пол, и в домике стало совсем приветливо и уютно. “В несколько недель, – говорил впоследствии Денис Генке, – все изменилось – и там, где было голо и пусто, сразу стало удобно и приветливо”. Она была энергичная женщина, расчетливая, работящая и хорошая хозяйка, а также чрезвычайно аккуратная и отлично умевшая управляться с детьми. Эба тотчас одели в новое платье, и он словно стал другим. Ребята жили дружно, точно все они были дети одной матери.

Светлая струя, которую внесла с собою в семью новая мать Авраама, проявилась не только в удобствах жизни и обстановки. Проницательная и умная женщина сразу заметила выдающиеся способности Эба; она стала его близким другом и советником, входила во все, что его интересовало, и дала ему именно ту поддержку, которой требовала его отзывчивая натура. Он искренне привязался к ней и сохранил эту любовь и уважение до самой ее смерти. Она узнала, сколько борьбы и усилий стоило мальчику, чтобы приобрести кое-какие крохи знания. Родители Авраама, хотя и нежно любили своих детей, были люди совсем темные и среди постоянной работы и борьбы за существование не могли заметить выдающихся способностей ребенка. К библиотеке Авраама, состоявшей из трех книг, незадолго перед тем прибавились еще “Странствие христианина” Беньяна и “Басни” Эзопа, приводившие его в особенный восторг. Миссис Линкольн, получившая некоторое образование, в чем только могла помогала ему, отвечала на бесчисленные вопросы, которыми он ее засыпал. От нее Авраам усвоил себе также простое религиозное чувство и то добродушие и кротость, которыми он отличался впоследствии.

Благодаря появлению в окрестностях других переселенцев поблизости от жилья Авраама поставили бревенчатый домик, который должен был служить школой и куда миссис Линкольн решила посылать Авраама. Отец купил ему на ближайшем базаре старую, потрепанную арифметику, с которой он и стал посещать школу и в короткое время быстро подвинулся в счете и письме.

К сожалению, эта школа просуществовала всего несколько недель, и Аврааму в его стремлении к образованию опять пришлось рассчитывать на собственные усилия и помощь матери. Только через четыре года он попал в школу, помещавшуюся в том же домике, хотя и теперь ненадолго. Пребывание его в этой школе замечательно в нескольких отношениях. Здесь он впервые

получил кое-какие сведения, и учитель, обративший внимание на его способности, не раз высказывал, что мальчику предстоит большая будущность. Забавная черта этой школы заключалась в том, что ребят грубых переселенцев и пионеров между другими предметами обучали здесь манерам и искусству держать себя в обществе, заставляя приседать и раскланиваться по всем правилам этикета. В этой же школе Авраам сделал первые опыты писательства и обратил на себя внимание маленькими сочинениями о сострадании к животным. Это чувство уже давно отличало его, и он всегда являлся защитником бессловесных существ в детских играх с жестокими мальчиками – его товарищами. Как мы видим, школу Авраам посещал отрывочно через большие промежутки времени, но он все-таки успевал усваивать порядочные знания – благодаря тому, что не пропускал ни одного случая для приобретения новых сведений. Здесь уместно рассказать об одном эпизоде из его юности, который приводится во всех детских книжках. Как-то узнал он от товарища, что у их соседа, мистера Крофорда, была книга – “Жизнь Джорджа Вашингтона”. С трепещущим сердцем отправился он в логхауз, где хранилась драгоценная книга, и упросил владельца одолжить ее на время. Можно представить себе, как должна была увлечь мальчика биография знаменитого полководца и народного героя, положившего основание Американской республики. Он зачитывался ею во все свободные от работы минуты и засыпал вопросами о непонятных местах свою добрую мачеху. Но случилось большое несчастье. Как-то под вечер спрятал он книгу в безопасное место, как ему думалось, но ночью пошел сильный дождь и через щель в крыше промочил ее так, что книга была совершенно испорчена. Что делать? Ужас охватывал его при одной мысли, что нужно явиться к владельцу с испорченной книгой, уплатить за нее было нечем. Однако в конце концов он разрешил свои колебания: тотчас пошел к мистеру Крофорду, показал книгу и предложил отработать за нее, сколько тот положит. Крофорд согласился, но воспользовался добросовестностью мальчика и заставил его три дня проработать в кукурузном поле; зато книга теперь принадлежала ему. Рассказывают, что этим честным поступком Авраам заслужил уважение всех соседних поселенцев.

Глава II. Молодой работник

Замечательная память. – Проявление ораторского таланта. – Стремление говорить публично. – Характеристика в шестнадцать лет. – Быстрый рост и необыкновенная сила. – Отличный работник. – Паромщик на реке Огайо. – Его кротость. – Приказчик в Джентривиле. – Добрый хозяин. – Доступ к хорошим книгам. – Знакомство с юмористом-кузнецом. – Первый литературный опыт. – Умственное развитие. – Постройка плота. – Первое путешествие по реке Огайо. – Поручение мистера Джентри. – Сплавляет плот с товаром в Новый Орлеан. – Нападение разбойников

Авраам отличался замечательной памятью и часто потешал соседей рассказами из прочитанных книг; если ему случалось побывать на каком-нибудь религиозном или политическом митинге, он по возвращении домой часто влезал на пень срубленного дерева и повторял окружающим слышанные им речи и проповеди. Иногда это бывало на поле во время жатвы. Будущий оратор уже теперь сказывался в нем; у него, как рассказывали знавшие его в это время, было естественное и неудержимое стремление публично говорить. Даже в этом раннем возрасте он любил в своих маленьких речах вставлять забавные анекдоты и рассказы, а добродушие и юмор делали его всеобщим любимцем. Вот что говорит Денис Генкс, постоянный товарищ его юности, об этом периоде жизни Линкольна. “Мы схватывали все с лету – слухом, нюхом, зрением. Мы слушали все, что говорилось по какому-нибудь вопросу и обсуждали его со всех сторон, пока он не был совершенно исчерпан. Ходили на политические и другие митинги, выслушивали разные стороны и мнения, обсуждали их, спорили. Эб произносил речи, проповеди, читал нам, объяснял и так далее... веселый, живой он был мальчик; всегда отличался юмором. Впрочем, изредка на него находила грусть... В городке Джентривилл, с милю от фермы отца, он часто потешал народ своими смешными рассказами и шутками. Вокруг него собиралась целая толпа и, слушая его, не расходилась до полуночи, так что я наконец утомленный уходил домой”.

За эти последние годы Авраам рос чрезвычайно быстро и в шестнадцать лет уже почти достиг своего полного роста – шести футов четырех дюймов. Он был незаменимым помощником своего отца во всех работах на его ферме, которая теперь уже заслуживала такое название: они успели разделать и обработать порядочный кусок своей земли. Отличный работник и замечательный силач, Авраам Линкольн во всякое свободное

время уходил на поденную работу к соседям и приносил домой свои заработки. Его брали нарасхват. Он ни от чего не отказывался – наколоть дров, испечь пирог, присмотреть за ребенком – и не только исполнял хорошо работу, но всем становилось веселее, глядя на него. Около этого времени – в 1825 году, – он нанялся к некоему Джемсу Тейлору, где получал по шести долларов в месяц на хозяйских харчах. Работа была самая разнообразная; подрядился он, собственно, паромщиком на переправе через реку Огайо, но ему пришлось не только пахать землю и убирать лошадей, а молоть кукурузу, топить печи, кипятить воду да еще по временам заменять стряпуху в хозяйстве.

Как уже было сказано, молодой Линкольн отличался замечательной силою: он подымал тяжести, которых хватило бы на троих; по словам знавших его тогда, они не встречали человека, который бы мог так глубоко засадить топор в дерево. Между окрестной молодежью в то время было сильно развито пьянство, но Авраам отличался трезвостью и остался таким на всю свою жизнь.

В бытность у Тейлора Линкольн разыскал у него к большой своей радости несколько книг, и между ними историю Соединенных Штатов; несмотря на то, что ему приходилось вставать с рассветом, он зачитывался ею до поздней ночи, к большому неудовольствию сына Тейлора, спавшего с ним в одной комнате; последний как-то раз, выведенный из себя отказом Линкольна погасить свечку, ударил его; но тот молча снес оскорбление и продолжал читать. Впоследствии Тейлор с удивлением рассказывал об этом примере кротости Линкольна.

Пробыв затем некоторое время дома, молодой Линкольн поступил приказчиком в лавку Джонса в городке Джентривилл. Здесь он получил более широкий доступ к книгам, и, кроме того, благодаря приливу переселенцев ему приходилось иногда сталкиваться с людьми более образованными, так как все собирались в лавочке, представлявшей из себя нечто вроде клуба. Новый хозяин Авраама, Джонс, полюбил его и, заметив выдающиеся способности молодого человека, всячески поощрял его в стремлении к самообразованию и даже предсказывал, что ему предстоит быть замечательным человеком. Он дал ему прочесть биографии Бенджамина Франклина и других великих людей Америки, подписывался на газету; будучи сам горячим политиком, в частных разговорах с Линкольном возбуждал и его интерес к общественным делам.

В это время Авраам завязал еще одно полезное для себя знакомство. Он подружился с кузнецом из Джентривилла – Джоном Болдуином – человеком, обладавшим неистощимым

запасом разных анекдотов и забавных рассказов. Без сомнения, из этого источника вышли те полные народного юмора поговорки и рассказы, которыми отличались впоследствии разговор и публичные речи Линкольна.

В 1827 году, когда он работал у столяра Вуда, в местной газете появились его первые литературные произведения, две статьи – одна о трезвости и другая по какому-то политическому вопросу. Рассказывают, что статьи эти были написаны очень хорошо.

За это время Авраам уже много перечитал и успел познакомиться с разными людьми; кругозор его мысли значительно расширился, монотонная жизнь в отцовском доме с однообразной фермерской работой уже не могла его удовлетворить.

Его тянуло на простор, в другие места и к другим людям; ему хотелось увидеть свет, испытать все треволнения жизненной борьбы. Стремление это выразилось у него вполне своеобразно. Он предложил отцу построить особый род плота (feat-boat), бывший тогда в большом употреблении на Огайо, Миссисипи и других реках Америки, нагрузить его продуктами фермы и спуститься вниз по Огайо, к одному из ближайших рынков. Неизвестно, как встретил отец это предложение, но плот в конце концов был выстроен, и Линкольн удачно совершил свое первое путешествие.

В связи с этим следует упомянуть об одном случае, имевшем большое значение для Линкольна. Когда плот был окончен и Авраам стоял около него на берегу в созерцании своего произведения, неожиданно на реке показался пароход; в это же время к тому месту, где стоял Линкольн, подошли два пассажира: им понравился вид молодого перевозчика и они предложили ему доставить их с багажом на пароход. Линкольн с радостью исполнил это поручение; но каково было его удивление, когда каждый из пассажиров, после передачи на пароход их багажа, бросил ему по полдоллара; ему и в голову не приходила такая плата. Впоследствии, уже будучи президентом, он так рассказывал об этом случае: “Конечно, вы считаете это пустяками, да я и сам теперь так думаю; но этот случай имел большое значение в моей жизни. Мне едва верилось, что такой бедный мальчик, как я, мог заработать доллар менее чем в день”. Это действительно был первый доллар, который он мог считать своим; до сих пор все свои заработки он отдавал отцу.

Слух об удачной поездке Авраама дошел до некоего мистера Джентри, богатого домовладельца в городе, названном его именем, и в марте 1828 года он предложил Аврааму в компании

со своим сыном довести большой плот с грузом свинины и других продуктов на продажу до Нового Орлеана. Это было уже серьезное и весьма опасное путешествие почти в 2400 верст вниз по реке, за которое могли взяться только крайне сильные и выносливые люди. Большой плот приходилось всю дорогу гнать при помощи кормового весла, часто против ветра; каюты не было, огня также нельзя было развести и одеяла являлись единственной защитою от холода и непогоды. Несмотря на все лишения и опасности на каждом шагу, эти два бравые молодца с полным успехом выполнили свое поручение, хотя на пути им пришлось испытать немало опасных приключений. В одном месте, во время ночной стоянки, на них напали негры; только благодаря своей отчаянной смелости они отбились от разбойников, и Линкольн до конца жизни носил на лице шрам от раны, полученной им во время этого побоища.

Глава III. Начало известности

Переселение в Иллинойс. – Авраам помогает отцу в устройстве на новом месте. – Работа с Джоном Генксом. – Описание наружности Линкольна в это время. – Любовь соседей. – Он продолжает учиться. – Новое переселение вследствие эпидемии. – Вторая экспедиция в Новый Орлеан. – Первое впечатление от ужасов рабства. – Место приказчика в Нью-Салеме. – Победа над знаменитым борцом. – Секретарь в выборном бюро. – Лавочка в Нью-Салеме и его популярность. – Уничтожение шайки городских нахалов. – Первые предчувствия великой будущности. – Общественная деятельность. – Народное прозвище "честный Эб". – Всеобщий друг и любимец. – Банкротство хозяина и прекращение торговли

Линкольну только что минул двадцать один год, когда отец его решил переселиться на новые места к западу, в штат Иллинойс. Он уже давно подумывал об этом; между прочими причинами уехать побуждал его и нездоровый климат Индианы; кроме того, в Иллинойсе жил и дядя Дениса – Джон Генкс. Решившись на новое переселение, старший Линкольн продал свою ферму, стадо свиней и запасы хлеба, и в феврале 1830 года семья со всем своим домашним скарбом в фургоне, запряженном четырьмя волами, опять тронулась в путь, а через две недели они были уже на месте, около трехсот верст от своего старого поселка, на реке Сангамоне, в четырех верстах от города Декитур.

Как ни хотелось Аврааму начать самостоятельную жизнь, но он должен был помогать отцу при устройстве на новом месте, где была особенно дорога его помощь. Вскоре они выстроили новый логхауз, больше и удобнее оставленного в Индиане, с пристройками для конюшни и коптильни. Окончив постройки, Авраам с Джоном Генксом принялись за пашню и стали обносить изгородью те пятнадцать акров (около пяти десятин) земли, которые приобрел старший Линкольн. Иллинойс славился плодородием, здесь были не только леса, но также открытые места и луга. Через неделю Авраам с дядей уже распахали всю землю и посадили кукурузу, после чего принялись за изготовление жердей для изгороди, которые они откалывали топором от больших брусьев. Колка жердей – работа чрезвычайно трудная, требующая большой сноровки, и молодой Линкольн не встречал себе равного в этом деле. Много лет спустя две такие жерди фигурировали на торжественном митинге, где он был провозглашен кандидатом на должность президента. Некоторое

время и после устройства фермы Авраам продолжал жить с отцом, нанимаясь на работу у соседних поселенцев. Один из знавших его тогда говорит про него, что такого неуклюжего на вид парня еще не приходилось ему встречать! Он представлял собой угловатую фигуру, на нем были грубые нанковые шаровары, суженные книзу. Хотя он был далеко не красив и беден, но его встречали с радостью у порога каждого дома. Рассказывают, что он колол жерди в обмен на платье, когда чего-нибудь не хватало в его костюме; так, он подрядился у какой-то Нэнси Миллер наколоть по четыреста жердей за каждый ярд нанки, окрашенной ореховой корой. Времени на чтение у него в это время было очень мало, но Авраам, как и прежде, пользовался каждой свободной минутой, чтобы учиться и приобретать новые знания. Как ни тяжело ему было оставаться на ферме у отца при таких условиях, но он считал своим долгом быть его помощником. И действительно, через год Линкольну опять пришлось пособлять отцу в переезде на новое место – вследствие эпидемии, разразившейся в их околотке. Они поселились окончательно в округе Колс штата Иллинойс, около ста верст к востоку от их прежнего жилья. Зимою 1830 года к великой своей радости Линкольн получил приглашение участвовать в одном подходящем ему деле. Торговец из Нью-Салема, по имени Оффет, предложил его дяде Джону Генксу, пользовавшемуся известностью по этой части, сплавить груз в Новый Орлеан. Генке согласился с тем, чтобы с ним участвовал и Авраам; с ними отправился также некий Джонс и сам хозяин Оффет; груз состоял главным образом из свинины и кукурузы. Уже отчасти опытный в таких делах, Авраам отлично выполнил поручение; груз был доставлен благополучно и продан, а из Нового Орлеана участники предприятия вернулись домой на пароходе.

Во время пребывания Линкольна в Новом Орлеане на его глазах произошел один из тех случаев, которые оставляют глубокое впечатление на всю жизнь. Впервые Авраам увидел партию негров-рабов, выведенных на продажу в цепях: их били и всячески истязали. Это зрелище так потрясло его, что врезалось в его память на всю жизнь. Много лет спустя, когда он стал передовым борцом за угнетенных невольников, он часто говорил, что первое осознание ужасов рабства зародилось в нем при созерцании этой сцены в Новом Орлеане. По возвращении домой Линкольн получил предложение от Оффета, вполне оценившего способности молодого работника, заведовать торговым складом, который он открыл в Нью-Салеме, и Авраам охотно взялся за это дело. Перед отъездом в Нью-Салем в дом Линкольна явился знаменитый в этой местности борец, Даниэль Нидгам, который

прослышал о силе Авраама и захотел померяться с ним. Он довольно грубо требовал поединка. Борьба состоялась, и Авраам легко два раза подряд повалил на землю своего противника. Нидгам пришел в ярость от такого неожиданного поражения и закричал своему противнику: “Линкольн, хоть ты и свалил меня, но не поколотишь”. “Нидгам, – ответил ему Авраам, – разве не довольно того, что я тебя повалил! Если же для твоего успокоения нужно еще и колотушек, изволь, я согласен для тебя и на это”. Борец не ожидал такого ответа и, когда увидел, что Линкольн по его желанию готов померяться с ним в кулачной борьбе, должен был признать себя побежденным.

После приезда в Нью-Салем Линкольн, в ожидании прибытия товара на склад Оффета, временно исполнял обязанность секретаря при выборном бюро. На новом месте грамотные люди тогда еще были в редкость, и его услугами остались очень довольны. В августе 1831 года ожидаемый товар наконец прибыл: тут было почти все, что только могло понадобиться окрестным поселенцам. Авраам начал свои новые обязанности как поверенный и приказчик своего хозяина. Как и везде, он в короткое время стал всеобщим любимцем. В лавочку сходилось множество покупателей; всем было приятно поговорить с таким славным, разумным парнем, как Авраам; они с удовольствием выслушивали его речи по тем вопросам, которые особенно занимали его; но более всего привлекали покупателей его прямодушие, честность и правдивость, которые проявлялись в каждом действии Линкольна. Рассказывают много мелких случаев из того времени, в которых ярко выказываются все эти качества. Популярность его возбуждала зависть, и ему не раз приходилось подвергаться нападкам и оскорблениям. Однажды, когда в лавке было несколько женщин-покупательниц, какой-то грубый на вид верзила протолкался к прилавку и без всякого повода стал ругаться и сквернословить. Авраам вежливо попросил его перестать и не оскорблять женщин. Ответом было грубое ругательство и угроза. Авраам выждал, пока покупательницы ушли, перескочил через прилавок, вытащил нахала на улицу и так отколотил, что тот запросил пощады. Тогда великодушный победитель втолкнул его в лавку, дал умыться, и с тех пор, как рассказывают, они стали приятелями.

В то время в Нью-Салеме, как и во многих новообразованных городах запада, свирепствовала шайка дерзких драчунов и нахалов (bully), которые называли себя “клеригровскими молодцами”. Эти негодяи делали всякие бесчинства, подвергали оскорблениям всякого нового человека, вызывали его на драку и избивали до полусмерти. Одним словом, от них не было житья в

местечке. Первое время, вероятно ввиду его громадного роста и силы, “клеригровские молодцы” остерегались и не делали открытого вызова Аврааму; но потом, опасаясь за свой престиж, решились и его сделать мишенью своих оскорблений. Молодой человек, в сознании своей силы, всячески старался избегать открытой борьбы, выносил всякие насмешки и старался отделаться шутками. Но это не помогло, и один из вожаков шайки наконец вызвал его на поединок, который продолжался недолго: через мгновение Авраам уже держал своего противника одною рукою в воздухе. Такой поворот сильно на них подействовал, и с того дня царству террора “молодцов” был положен конец; к Аврааму присоединились многие из жителей Нью-Салема, и в короткое время шайка негодяев рассеялась, к великому облегчению обывателей города.

Все время, пока Авраам служил у Оффета, он, как и прежде, каждую свободную минуту посвящал ученью. Не подлежит сомнению, что именно в это время у Линкольна впервые пробудилось честолюбие и явилось представление о той великой будущности, которая его ожидала, и он всячески старался подготовить себя к ней, не упуская ни одного случая, чтобы увеличить запас своих сведений.

Он посещал ораторские клубы и принимал участие в прениях, знакомился со всеми людьми, от которых мог позаимствовать хоть какие-нибудь новые сведения, аккуратно выписывал газету, хотя у него не всегда хватало денег на приличное платье. В этот период своей жизни за свою правдивость, прямодушие и честность во всех делах Авраам Линкольн заслужил в народе прозвище “честный Эб”, которое и осталось за ним. Все обращались к нему за советом, посредничеством, помощью. По словам человека, знавшего его в это время, “он был судья, посредник с решающим голосом во всех спорах, чего бы они ни касались; примиритель во всех ссорах, всеобщий друг, самый добродушный, разумный, сведущий, скромный, добрый и в то же время самый неуклюжий и сильный молодой парень во всем Нью-Салеме и его окрестностях”.

Через несколько месяцев после поступления Авраама к Оффету дела последнего запутались; несколько сделок подряд оказались неудачными, так что весною 1831 года он принужден был закрыть свою лавку и Линкольн опять остался без работы и без средств к существованию.

Глава IV. Трудное время

Война с Черным Соколом. – Поводы к ней. – Линкольн-волонтер. – Его юмористический отзыв о войне. – Возвращение в Нью-Салем. – Кандидат в местное законодательное собрание. – Первая речь на выборах. – Неудача. – Своя лавка в Нью-Салеме. – Банкротство. – Приказчик у Эллиса. – Трудная жизнь. – Усиленные занятия. – Знакомство с землемером. – Должность почтмейстера. – Популярность его растет. – Линкольна выбирают в члены местного законодательного собрания. – Эпизоды выборной борьбы. – Знакомство со Стюартом. – Неимоверная работа. – Диплом адвоката. – Столица штата перенесена в Спрингфилд. – Первый протест против невольничества

Как раз во время упомянутого кризиса в делах Линкольна случай открыл ему новую дорогу. В Иллинойсе началась война с индейцами, и их предводитель *Черный Сокол,* по словам самого Линкольна, “повернул его жизнь в совершенно новую колею”.

Около тридцати лет тому назад индейское племя осагов, делавшее постоянные набеги на поселение белых в Иллинойсе, было, наконец, вытеснено на западный берег реки Миссисипи, служившей по новому договору границей. Там они и оставались до последнего времени в сравнительном спокойствии, хотя поводов к столкновению было немало, так как белые охотники и звероловы постоянно нарушали договор и, переходя реку, вторгались в территорию краснокожих.

В то время, о котором говорится, один индейский вождь, прозывавшийся Черным Соколом, сделался главою нескольких племен: осагов, команчей, сиу и других. Сначала он жаловался правительству Соединенных Штатов на вторжение белых, но, видя, что это не помогает, собрал подвластные ему племена и объявил белым войну.

Ночью в маленьких лодочках краснокожие переправились на восточный берег Миссисипи и напали врасплох на поселение белых, внося повсюду ужас и разорение: поджигали фермы, убивали поселенцев, угоняли скот и исчезали так быстро, что их нельзя было догнать.

Губернатор штата Иллинойс выслал небольшой отряд регулярных войск против индейцев и издал прокламацию о созыве волонтеров. Тотчас же составилось несколько полков, в том числе и из Нью-Салема.

И в другое время Линкольн откликнулся бы на этот призыв, но теперь, когда ему пришлось сидеть без дела, он с особенной

радостью ухватился за него и одним из первых записался в волонтеры, причем, к его удивлению, был выбран почти единогласно капитаном роты. Впоследствии Линкольн говорил, что никакой успех в его общественной деятельности не доставлял ему такого удовольствия, как этот выбор в командиры своими товарищами. *Война с Черным Соколом,* как ее называли, не отличалась громкими военными подвигами. Начальником экспедиции был назначен генерал Касс – человек совершенно неспособный – и время проходило в бесплодной погоне за индейцами. Отряд Линкольна даже не видел врага, но им пришлось испытать много всяких лишений, и Линкольн должен был употребить всю свою энергию и уменье ладить с людьми, чтобы сохранить дисциплину и удержать в строю разбегавшихся волонтеров.

Освоих военных подвигах в эту кампанию Линкольн, будучи уже президентом, сам отзывался с большим юмором. “Если генерал Касс, – говорил он, – и превзошел меня в погоне за черникой, то должен был уступить мне первенство в атаках на дикий лук. Может быть, он и встречался с живыми индейцами, но мне это не удалось; зато я выдержал много кровопролитных битв с москитами и, хотя не терял сознания от потери крови, но зато часто голодал”. Через три месяца война прекратилась, главным образом благодаря наступлению зимы; причем возобновлен был старый договор, чтобы обоюдной границей между воевавшими сторонами по-прежнему осталась Миссисипи.

С войны Авраам вернулся в Нью-Салем частью пешком, частью на плоту вниз по реке Иллинойс и был с восторгом встречен своими согражданами. К немалому его удивлению, вскоре по возвращении ему объявили, что часть горожан желает выставить его кандидатом на предстоящих выборах в члены законодательного собрания штата Иллинойс. Вначале он подумал, что над ним шутят, но когда убедился в противном, это польстило его самолюбию и он охотно согласился на свою кандидатуру. В это время Линкольн произнес свою первую политическую речь. Дело было в самом начале избирательной кампании, в городе Папсвиль, где собралось много народу по случаю какой-то публичной продажи. Его обращению к публике предшествовал весьма забавный эпизод. После окончания аукциона между присутствующими завязалась драка; Линкольн, заметив, что одному из его товарищей приходится плохо, соскочил с платформы и растолкал всех нападавших, кроме одного, оказавшего сопротивление; тогда он схватил его за шиворот и за ноги, поднял на воздух и отбросил в сторону; кончив эту расправу, он опять влез на платформу и обратился к

присутствующим со следующей речью:

“Джентльмены и сограждане! Я полагаю, вы все знаете, кто я такой – я бедный Авраам Линкольн. Друзья просили меня быть кандидатом в законодательное собрание. Моя политика коротка и проста, как старая песня. Я стою за национальный банк, за систему внутренних улучшений и за протекционный тариф. Вот все мои убеждения и политические принципы. Если вы меня выберете, я буду вам благодарен; если нет – для меня все равно”.

В последующей избирательной борьбе Линкольн оказался побитым, и это был единственный случай неудачи в таких делах; но во время выборов он заслужил самые лестные отзывы как от своих друзей, так и со стороны врагов, и многие говорили, что если бы он не высказывал так добросовестно свои политические убеждения, то восторжествовал бы над своим противником.

Следующий год был из самых тяжелых в жизни Линкольна. В компании с неким Берри он открыл лавку в Нью-Салеме, но компаньон его надул, дело не пошло и сам Берри бежал, запутав Линкольна в долгах, которые ему пришлось выплачивать до 1840 года. Потом он нанялся приказчиком в лавку некоего Эллиса; с тем, что он получал, и благодаря помощи друзей из Нью-Салема он кое-как перебивался; жить ему было очень трудно, но он не унывал и по-прежнему все свободное время посвящал самообразованию. К счастью, Линкольн имел доступ к хорошим книгам; между другими он прочел в это время “Римскую историю” Гиббона и Шекспира; из всего прочитанного он имел обыкновение составлять краткое извлечение, которое твердо врезалось в его память. Он перечитывал также все попадавшиеся ему газеты и пристально следил за политикой и общественной жизнью. Знавший Линкольна землемер в Сангамоне мистер Джон Калоун, которому были также известны его необычайные способности, решил помочь ему в это трудное время и предложил ему место своего помощника, как скоро он достаточно подготовится к этой деятельности. С жаром принялся Линкольн за руководства, данные ему Калоуном, практиковался с ним в поле и через шесть недель мог уже исполнять свои новые обязанности. Калоун также предоставил ему и частную работу; ее было немало, так как в это время в Иллинойс прибывало много эмигрантов, покупавших участки земли, которые нужно было размежевать. Работа землемера в этой местности была тяжелая, особенно когда приходилось углубляться в первобытные леса и, прежде чем взяться за инструменты, нужно было прочищать себе дорогу топором.

Однако Линкольн, как ни уставал за день, все-таки вечером у костра принимался за книги. Заработок его был очень невелик, по

его словам, – “только хватало на хлеб”.

В 1833 году, не оставляя своей землемерной работы, он взял на себя должность почтмейстера в Нью-Салеме. Почтовая контора помещалась в мелочной лавочке, обязанности были несложные, так как почта приходила только раз в неделю, да и писем и газет получалось тогда немного. Но, по словам одного из биографов, “Линкольн решил поддержать достоинство своей новой должности. За отсутствием настоящего дела он разбирал письма для неграмотных и читал вслух газеты толпе обывателей, собиравшихся перед лавкой”.

Здесь, как и везде, он обнаруживал выдающуюся черту своего характера и старался делиться со своими близкими теми преимуществами, которые давало ему образование. Благодаря этому, а также его доброте и мягкости нрава, популярность его росла с каждым днем. Старый его хозяин Оффет имел самое высокое мнение о его способностях. “Линкольн знает больше всех в Соединенных Штатах”, – не раз говорил он. Познакомившийся с ним губернатор Индианы был поражен его знаниями и уверял, что по таланту молодой человек годился бы в президенты страны.

В 1834 году в Иллинойсе происходили первые выборы, причем Линкольн опять был выставлен кандидатом от округа Сангамон; на этот раз он имел успех и его выбрали членом в законодательное собрание штата значительным большинством. В это время в Соединенных Штатах уже ясно определились две политические партии – демократов и вигов. Линкольн принадлежал к последней.

Во время выборов ему пришлось остановиться в доме одного знакомого ему зажиточного фермера в том самом округе, где происходила избирательная борьба. Как-то раз после обеда его повели на поле, где убирали хлеб, чтобы познакомиться с рабочими, которых было до тридцати человек и на голоса которых он рассчитывал. После речи Линкольна из среды их вышел один рабочий и объявил, что они подадут голоса лишь за человека, который не уступит им в полевой работе. Линкольн тотчас же принялся жать и скоро доказал им, что он такой же хороший работник, как и они. Все тридцать человек подали голоса за него.

В другой раз во время той же избирательной кампании, по дороге на митинг, его увидел один из избирателей. Узнав от знакомого, что это и есть их кандидат, он воскликнул со смехом при взгляде на высокую, неуклюжую фигуру Линкольна, в его потертом костюме.

– Что вы! Неужели наша партия не нашла никого лучше?

– Подите на митинг и послушайте его, прежде чем говорить, –

отвечали ему.

Сомневавшийся избиратель послушался совета и вернулся с митинга в совершенном восторге.

– Помилуйте, да против него никто не устоит, – говорил он, – он знает больше всех других кандидатов вместе взятых!

Избрание Линкольна членом собрания составляет одну из выдающихся вех в его биографии и поворотный пункт в его жизни. Теперь он ясно осознал свои силы и призвание, и в нем пробудилось бесповоротное решение преследовать карьеру общественного деятеля.

Он мало говорил на первой сессии, но пристально наблюдал за всем происходившим и слушал других ораторов, стараясь как можно ближе познакомиться с делом. На всех сталкивавшихся с ним в это время он производил самое приятное впечатление. По окончании заседаний собрания, происходивших в столице штата Вандалии, он возвратился в Нью-Салем, находившийся на расстоянии ста миль от первой, и тут для всех стало ясно, что в нем за это время созрело окончательное решение относительно его будущей карьеры. Он решил готовиться в адвокаты.

Некоторые биографы Линкольна утверждают, что он уже ранее занимался изучением юридических наук; верно одно, что за это время он близко сошелся с одним весьма умным адвокатом, мистером Джоном Стюартом, также заседавшим в местном законодательном собрании, который и повлиял на его окончательное решение. Пораженный талантами и умом своего молодого товарища, он не только посоветовал ему избрать профессию адвоката, но предложил со своей стороны всякую помощь. Нью-салемские друзья Линкольна были очень обрадованы таким решением и еще более стали гордиться своим любимцем. Не теряя времени, он с жаром принялся за работу, и можно только удивляться, как он успевал в своей разнообразной деятельности. Большую часть дня он посвящал своей прежней работе землемера, а вечер и часть ночи просиживал над юридическими книгами, изучая вместе с тем политические и другие науки. В этот промежуток он был вторично избран в члены законодательного собрания Иллинойса, в котором принимал деятельное участие, и стал человеком, известным всему штату.

Наконец в 1837 году он получил диплом адвоката, а весною этого года стал компаньоном Стюарта, имевшего контору в Спрингфилде, куда за это время, главным образом благодаря влиянию Линкольна, была перенесена столица штата. В этот же знаменательный для Линкольна период он заявил в Иллинойском собрании свой первый протест против системы невольничества, господствовавшей в южных штатах Америки[1].

В это время в разных концах союза уже раздавались многие голоса против торговли неграми; но партия рабовладельцев была настолько сильна, что представители ее в собраниях разных штатов даже провели резолюции или постановления, которыми все лица, протестующие против невольничества, объявлялись нарушителями закона.

Конгресс в Вашингтоне, правда, не принял таких постановлений, но, под давлением рабовладельческой партии, решил оставлять без внимания всякие заявления *аболиционистов* (abolitionists) или других лиц, стоявших за упразднение невольничества.

Протест Линкольна прозвучал после того, как в собрании рабовладельческого Иллинойса прошла одна из таких резолюций. Тот факт, что его поддерживал только один человек из всего собрания, некто Дан-Стон из его же округа Сангамон, достаточно свидетельствует, в какую сторону было тогда направлено общественное мнение; он свидетельствует также о геройстве Линкольна, отстаивавшего свое мнение перед лицом подавляющего большинства.

Это было знаменательное начало той борьбы с рабовладельческой партией, которую с таким мужеством и непоколебимым упорством Авраам Линкольн вел во всю остальную половину своей жизни и которая завершилась освобождением негров.

Глава V. Адвокат в Спрингфилде

Линкольн – компаньон в адвокатской конторе Стюарта в Спрингфилде. – Он снова выбран в собрание штата. – Его ораторский талант. – Вожак партии. – Дальнейшая адвокатская деятельность. – Неподкупная честность. – Эпизоды из его адвокатской деятельности. – Процесс Армстронга. – Блестящая защита. – Его слава как адвоката и общественного деятеля. – Странствующий адвокат. – Любовь народа. – Женитьба Линкольна. – Счастливые годы в Спрингфилде

Итак, Линкольн энергически принялся за свою адвокатскую деятельность в Спрингфилде. Пригласив его в товарищи, Стюарт оказал ему, конечно, большую услугу; но, как человек дальновидный, он еще в законодательном собрании заметил, что его компаньон – личность выдающаяся и что ему предстоит играть большую роль; поэтому сотрудничество Линкольна было весьма полезно и для его дела.

Линкольна опять выбрали в члены собрания штата; он заседал в нем в течение восьми лет, обратив на себя всеобщее внимание своим ораторским талантом, и был признан вожаком своей партии. По словам знавших его в это время, его речи отличались “сильной аргументацией, ясностью изложения и поразительными иллюстрациями. Юмору его не могли противостоять самые серьезные люди”.

Так как собрание заседало теперь в Спрингфилде, то Линкольн мог свободно заниматься и своей новой профессией, которая обеспечивала ему средства к жизни. Он быстро входил в славу как адвокат и стал одним из выдающихся граждан Спрингфилда. Товарищем Стюарта он оставался до 1840 года, когда вступил в компанию с судьею Логапом, а потом со своим приятелем Герндоном.

Строгие принципы и неподкупная честность Линкольна подвергались сильным искушениям со стороны многочисленных клиентов, теперь обращавшихся к нему; но он оставался верен себе и отказывался от всех сомнительных дел. Он отстаивал интересы только тех клиентов, в правоте которых был сам уверен, и с особенной охотою принимал защиту обиженных или притесняемых сильными людьми. Такие дела он вел с особенной энергией и часто без всякого вознаграждения.

Рассказывают много эпизодов из его юридической деятельности за это время, которые не лишены интереса и характеризуют его как личность. Как-то к нему в контору явился

один господин и просил взять его дело. Выслушав внимательно все обстоятельства, Линкольн встал со стула и обратился к клиенту со следующими словами: “Да, я без сомнения выиграю ваше дело. Я могу поселить раздор в целом околотке и, обездолив вдову с шестью ребятами, взыскать в вашу пользу шестьсот долларов, на которые, мне кажется, эта женщина с детьми имеет столько же права, сколько и вы. Вы должны знать, что не все то нравственно, что правильно по закону. Я не возьмусь за ваше дело, но дам вам бесплатно один совет, который, может быть, вам и пригодится: попробуйте раздобыть эти шестьсот долларов каким-нибудь другим способом”.

Участвуя с другим адвокатом в защите человека, обвиняемого в убийстве, Линкольн узнал, что обвиняемый был действительно виновен, и тотчас же отказался от дела. В другой раз к нему пришла бедная старуха негритянка и просила спасти сына, единственную ее опору, которого арестовали в Новом Орлеане, как только он высадился на берег с парохода. Тогда еще действовал бесчеловечный закон, по которому предоставлялось хватать негров, прибывших из некоторых штатов, и обращать их в невольничество, если за них не вносили выкуп. Линкольн употребил все усилия, чтобы освободить сына бедной старухи, и обращался даже к губернатору штата, но все его хлопоты остались без успеха; тогда он сложился со своим компаньоном и выкупил несчастного негра.

Некто Когдаль запутался в торговых операциях и поручил Линкольну ликвидировать свои дела. Не имея денег, чтобы уплатить адвокатский гонорар, он выдал ему вексель в сто долларов. Немного времени спустя, вследствие разрыва ружья, его рука вышла из строя. Встретившись с Линкольном, – на вопрос его, как идут дела, он отвечал, что они поправляются, но что его беспокоит долг, который он еще не в состоянии уплатить. Ни слова не говоря, Линкольн вытащил из своего кармана вексель и сунул его в руку своего бывшего клиента, не обращая внимания на его протест и выражения благодарности.

В другой раз он взялся вести дело для одной бедной вдовы, которую обобрал бессовестный родственник. Линкольн выиграл дело, вытребовал обратно деньги и отказался от всякого вознаграждения.

Несколько лет спустя после поселения в Спрингфилде Линкольн явился защитником в одном уголовном процессе, доставившем ему большую известность. Этот процесс приводится во всех его биографиях. Молодой человек, по имени Армстронг, единственный сын двух добрых стариков, у которых Линкольн служил прежде рабочим, обвинялся в убийстве и был посажен в

тюрьму. Услышав об этом, Линкольн тотчас же написал миссис Армстронг и предложил безвозмездно защищать ее сына на суде в благодарность за их доброту в трудные для него времена.

Познакомившись с делом, Линкольн убедился, что Армстронг был жертвою злостного заговора, и, так как общественное мнение было сильно возбуждено против него, то он употребил все старания, чтобы дело было отложено на некоторое время и перенесено в другой округ. Наконец настал день суда. Главный свидетель, между прочим, личный враг обвиняемого, утверждал, что он ясно видел, как Армстронг во время уличной свалки вонзил нож в сердце жертвы; он говорил также, что хорошо помнит все обстоятельства, сопровождавшие убийство; что оно было совершено в половине десятого и что луна ярко светила в это время. Линкольн подверг строгой критике все свидетельские показания и оставил для конца самое сильное место своей защиты. Неожиданно он потребовал календарь и показал, что в этот вечер луна, светившая по словам свидетеля так ярко в половине десятого, только взошла в одиннадцать часов. Впечатление было потрясающее, присяжные тотчас же вынесли оправдательный приговор, многие из публики рыдали, а лжесвидетель едва спасся от ярости возбужденной толпы.

Нечего говорить о радости стариков Армстронгов и о тех выражениях благодарности, которые они расточали спасителю их сына. С этого дня слава Линкольна как адвоката и общественного деятеля стала еще прочнее. В то время между американскими адвокатами было обычаем разъезжать по своему округу, останавливаясь в тех местах, где происходили заседания судов. Средства не позволяли вначале Линкольну иметь лошадь, и ему приходилось занимать ее у знакомых; но потом он завел свою и сам ухаживал за нею, исполняя обязанности конюха. Верхом, с вьючным мешком, заключавшим перемену белья, и старым бумажным зонтиком для защиты от дождя, уезжал он на два, на три месяца из Спрингфилда, путешествуя по разным местам, где требовались его услуги.

Во время этих разъездов он не покидал своей старой привычки и пользовался каждой свободной минутой и каждым случаем во время остановок, чтобы продолжать свои занятия и пополнять свои знания. Иногда у него бывали и попутчики в путешествиях; рассказывают об одном весьма забавном случае, имевшем место в одну из таких поездок; случай этот хотя и тривиален, но прекрасно характеризует добродушие Линкольна. Как-то с товарищем пробирались они по ужасной дороге и увидели свинью, которая завязла в непролазной грязи. Товарищ Линкольна ограничился замечанием и они двинулись далее; но,

проехав с полмили молча, Линкольн вдруг воскликнул, обращаясь к нему: “Не знаю, как ваше мнение, а ведь мне придется вытащить из грязи эту свинью”. Спутник его расхохотался, думая, что он шутит; но Линкольн слез с лошади, пошел назад к утопавшей свинье, с большими усилиями вытащил ее и поставил на сухое место; потом он вернулся к своему изумленному спутнику и продолжал путь как ни в чем не бывало.

Рассказывают также, что часто во время таких путешествий, увидав где-нибудь при дороге дровосека, занятого своим делом, он вспоминал свои юношеские годы в Индиане, слезал с лошади и, взяв у него из рук топор, с маху разрубал надвое какой-нибудь большой брус, к великому изумлению хозяина.

Подобные рассказы, как и его адвокатская деятельность, делают понятною ту популярность и любовь среди простого народа, которая выпадала на долю Линкольна везде, где только ему приходилось побывать во время его многочисленных разъездов по штату Иллинойс, и действительно он был дорогим человеком для всех, кто только приходил с ним в какое-нибудь соприкосновение.

Все это время Линкольн не забывал своего отца и мачеху. Он аккуратно помогал им и заботился, чтобы они ни в чем не нуждались. Из первых своих заработков в Спрингфилде он купил на имя мачехи участок земли в 160 акров (около 50 десятин), высказав при этом своим друзьям, что это “только слабая плата за всю любовь и преданность доброй женщины”.

В ноябре 1842 года Линкольн женился на мисс Мери Тодд, дочери члена законодательного собрания штата Кентукки; и, вероятно, следующие за сим несколько лет, проведенных в Спрингфилде, были самым счастливым временем в его жизни. Но это продолжалось недолго: общественные дела должны были скоро поглотить все его внимание и потребовали всей его энергии. Ему предстояла теперь хотя и славная, но тяжелая доля, и все радости семейной жизни он должен был принести в жертву общественному благу.

Глава VI. В конгрессе и на трибуне

Линкольн избран членом конгресса. – Столкновение с Дугласом. – Первая речь его в конгрессе. – Борьба с рабовладельцами. – Постановление конгресса о незаконности укрывательства невольников. – Упразднение миссурийского соглашения. – Линкольн опять выступает на политическую арену. – Начало междоусобной войны в Канзасе. – Знаменитая речь "Раздор в доме". – Линкольн в течение двух лет разъезжает по стране. – Его речи и восторженный прием. – Избрание в президенты. – Свидание с матерью. – Отъезд из Спрингфилда

По прошествии восьми лет, в течение которых Линкольн был членом местного собрания в Иллинойсе, ему предстояло сделать новый крупный шаг на политическом поприще.

В 1846 году он уже оставил собрание Иллинойса, на его долю выпала большая честь: он был избран своими согражданами членом конгресса[2].

Еще два года тому назад Линкольн, бывший большим почитателем Клея, известного тогда государственного человека и кандидата на должность президента, агитировал в пользу его кандидатуры по штату Иллинойс. В течение некоторого времени он почти ежедневно произносил речи по разным государственным вопросам, бывшим тогда на первом плане, особенно же против распространения торговли невольниками, противником которой был всегда и сам Клей; во время этих прений он столкнулся с мистером Стивеном Дугласом, также членом собрания Иллинойса, который с этого времени стал одним из самых сильных политических противников Линкольна. Дуглас, человек весьма талантливый, богатый и пользовавшийся большим влиянием среди своей партии, не только противился всяким стремлениям к уничтожению невольничества, но был горячим поборником распространения этого позорного учреждения.

К огорчению Линкольна, кандидатура Клея не имела успеха; но сам он остался в выигрыше. Он стал настолько популярен во время своих разъездов по штату в интересах Клея, что в 1846 году, когда начались выборы в конгресс, его выставили кандидатом и он был избран подавляющим большинством голосов.

В декабре этого же года он занял свое место в палате представителей в Вашингтоне. Противник его Дуглас был избран сенатором от того же штата. Интересно, что из всех членов конгресса Линкольн был по росту самый высокий, а Дуглас –

самый низкий.

Избрание Линкольна в члены конгресса являлось не только крупным шагом в его политической карьере, но было предвестником многих событий, которые имели влияние на дальнейшую судьбу Соединенных Штатов. В это время велась война с Мексикой, сопротивлявшейся вторжению американцев в Техас, который она считала своим владением. В первой своей речи на конгрессе, обратившей на него внимание, Линкольн протестовал против этой войны. Как он, так и его партия, имели веские к тому основания, потому что присоединение Техаса было сделано под давлением рабовладельческой партии, видевшей в этой стране новый опорный пункт для распространения невольничества.

Благодаря силе аргументации и искренности его протеста Линкольну удалось нанести сильный удар рабовладельческой партии. И только вследствие самого решительного образа действий ему, вместе с его партией, удалось добиться компромисса, по которому невольничество было допущено только в известной части Техаса. Борьба с рабовладельцами не ограничивалась одним Техасом. Они были настолько сильны и так настойчиво добивались своей цели, что представители их в конгрессе требовали распространения права торговли неграми и в территориях[3] Запада, входивших теперь как новые штаты в состав Союза, но где система невольничества еще не была узаконена. Таким требованиям Линкольн сопротивлялся всеми силами, и рабовладельцам удалось только отчасти достигнуть своей цели.

В конечном результате рабовладельческая партия добилась одной важной уступки, в виде постановления конгресса, которое признавало незаконным укрывательство невольников-негров, бежавших в свободные штаты, и обязывало доставлять их владельцам. Этот жестокий закон был источником многих страданий; вот что про него говорит американский писатель и биограф Линкольна Леланд: “Между тем как не щадили усилий, чтобы ловить и возвращать к владельцам невольников, бежавших в свободные штаты, никто и не думал о защите свободных негров, которых из тех же штатов насильно увозили на юг и там продавали в неволю. Утверждают, что одно время в Пенсильвании не проходило дня без такого насилия над каким-нибудь несчастным негром”. Далее Леланд прибавляет, что он “знал белого по происхождению, смуглого лицом мальчика, которого чуть не увезли для продажи на юг”.

Хотя партия рабовладельцев и не достигла вполне своей цели, но представители ее не были этим обескуражены. Они

сознавали свою силу и готовились к борьбе. Настало временное затишье, как перед грозой; рабовладельцы юга и их северные противники были накануне великой борьбы не на жизнь, а на смерть.

После своей первой сессии в конгрессе, во время которой он принимал участие во многих важных прениях и быстро поднялся во мнении своих сотоварищей, Линкольн решил не баллотироваться во второй раз, и мы его видим опять в Спрингфилде. Здесь он принялся за свою прежнюю работу адвоката и много работал над своим дальнейшим умственным развитием, сознавая, вероятно, превосходство тех высокообразованных государственных людей, с которыми ему приходилось сталкиваться в Вашингтоне. “Может быть, – говорит один из его биографов, – он уже видел приближение той великой борьбы между Югом и Севером, к участию в которой хотел приготовиться заранее”.

Он пока не принимал деятельного участия в местной политической жизни, и только если Дуглас появлялся в какой-нибудь части Иллинойса и произносил речь в пользу распространения невольничества, Линкольн считал своей обязанностью возражать ему в том же месте. Затем он был во главе разных общественных движений в штате. За этими исключениями он посвящал все время своей профессии и научным занятиям.

Но это продолжалось недолго, и ему скоро пришлось возвратиться к общественной деятельности, – из-за одного серьезного шага, предпринятого рабовладельческой партией. Насколько он был важен, видно из того, что это было ни более ни менее как уничтожение упомянутого уже Миссурийского соглашения, вследствие билля (проект закона), внесенного Дугласом и принятого конгрессом в 1854 году. Другими словами, закон, с 1820 года допускавший невольничество только в известных частях Союза, под влиянием рабовладельческой партии был теперь уничтожен, чтобы дать простор невольничеству в свободных территориях Запада, особенно же в Канзасе и Небраске.

Номинально этот новый закон предоставлял самому населению решать вопрос о допущении невольничества; но вскоре выяснилось, что могущественный Юг мог им воспользоваться, чтобы добиться поставленной себе цели.

До сих пор многие северяне, не желая восстанавливать население южных штатов, воздерживались прямо высказываться за упразднение невольничества и не держали открыто сторону *аболиционистов;* и если бы *Миссурийское соглашение* осталось в

силе, они бы удовлетворились существующим положением вещей. Более всего они дорожили миром. Но утверждение *билля Канзаса – Небраски* было не только сигналом к протесту с их стороны, но и к действию. Нельзя было далее сомневаться, что южане поставили себе целью внести невольничество в свободные территории Запада, а может быть распространить его и по всему Союзу.

Авраам Линкольн не мог отнестись равнодушно к такому положению вещей. Он предвидел и все опасные последствия этой меры и то, что Север ни в коем случае не согласится на дальнейшее распространение рабства. Он хорошо сознавал, что если теперь же не будет положен предел ясно высказанным стремлениям рабовладельческой партии, то неминуемо возникнет борьба, грозящая гибелью его родине. Со всем жаром своей энергической натуры он выступил с протестом против поборников рабства. Первые его усилия были направлены против того же Дугласа, который в это время только что вернулся из Вашингтона и произнес в Спрингфилде речь в защиту билля. Линкольн возражал, и, по словам слышавших его, никогда еще речь его не отличалась такой силой и убедительностью, так что он в прах уничтожил все доводы своего противника. Не довольствуясь этим, он преследовал его по пятам, во все места, куда тот ни ездил, и везде выступал против нового закона, показывая опасности и борьбу, которые он неизбежно вызовет. Красноречие его до того увлекло население Иллинойса, что господствовавшая в нем партия демократов была разбита и должна была уступить первенство вигам, которые убедили Линкольна опять вступить в законодательное собрание, и в 1855 году он был объявлен кандидатом в сенат.

В конце концов он, однако, отказался от выборов, уступив место другому кандидату от своей партии, что дало ей возможность восторжествовать над Дугласом. Такое самопожертвование еще более возвысило его в общественном мнении и вскоре после того виги, вновь организованные под названием республиканской партии, признали Авраама Линкольна своим вождем.

Во время президентских выборов в 1856 году Линкольна выдвинули, к немалому его удивлению, кандидатом на должность вице-президента; хотя он и не был избран в этот раз, но множество поданных за него голосов яснее всего показывало, как быстро росла его популярность. Он принимал деятельное участие в избирательной кампании, много говорил против распространения невольничества; одна из произнесенных им тогда речей заканчивалась такими знаменательными словами: “Да, мы будем бороться за свободу, бороться с рабством, доколе

конституция нашей страны охраняет свободное слово и пока не добьемся, чтобы по всей этой большой земле, под лучами солнца и под падающим на нее дождем, выходил на свой труд только свободный работник". Опасения Линкольна не замедлили оправдаться, и, как только билль Дугласа обрел силу закона, мирное земледельческое население свободного Канзаса испытало на себе все грустные последствия этой меры.

По соседству с ним находился рабовладельческий штат Миссури, и южная партия направила из него в Канзас многочисленные группы так называемых "пограничных разбойников". Под видом переселенцев эти бродяги, по плану южан, должны были подавать голоса за разрешение в Канзасе невольничества, в то же время разбоями, насилием и грабежами сделав невозможным дальнейшее пребывание в стране тех поселенцев, которые противились рабству, и таким путем выжить их из Канзаса. Такая программа действительно уже приводилась в исполнение; северянам ничего более не оставалось, как послать вооруженную силу для защиты мирного населения Канзаса, подвергавшегося всяческому насилию. После этого в Канзас стали возвращаться с севера эмигранты, которые при голосовании билля о невольничестве противодействовали "пограничным разбойникам". Такое положение дел, в сущности представлявшее уже начало междоусобной войны, продолжалось в Канзасе несколько лет, пока он не стал штатом и не была утверждена конституция, отвергавшая невольничество. Конечно, все это возбуждало сильное раздражение среди северян, и отношения между ними и южными штатами становились с каждым днем все более и более натянутыми. Ухудшению их немало способствовал и крайне печальный инцидент, случившийся в это время в конгрессе. Один из известных сенаторов – Сомнер, от штата Массачусетс, – произнес речь, показавшуюся обидной другому сенатору, Бутлеру, из Южной Каролины; товарищ последнего, Брукс, также из рабовладельческой Южной Каролины, оскорбленный за своего приятеля, нанес жестокий удар палкою злосчастному оратору, от последствий которого тот страдал в течение многих лет.

В самый разгар канзасских действий – 16 июня 1858 года – в Спрингфилде собрался *конвент республиканской партии,* и Авраам Линкольн был вторично избран кандидатом в сенаторы. На следующий вечер после выборов он произнес здесь речь, известную в Америке под названием "Раздор в доме". Приводим начало ее, указывающее на признаки приближающейся бури, которая скоро охватит всю страну. "Если б мы знали, где мы находимся и куда стремимся, то могли бы лучше решить, что нам

делать и как поступать. Уже пятый год как принята политика, которая, по уверениям ее сторонников, должна была положить конец волнениям, вызванным вопросом о невольничестве. Действие этой политики не только не успокоило волнений, а, напротив, усилило их. По моему мнению, они не прекратятся, пока мы не дойдем до кризиса и не переживем его. *Дом, в котором царит раздор, устоять не может.* Я полагаю, что нынешнее правительство, колеблющееся между свободой и рабством, не может быть прочно. Я не ожидаю расторжения нашего Союза... Я не боюсь, что дом рухнет, но я уверен, что раздор в нем прекратится. Он должен быть однородным. Или враги рабства положат ему предел и поставят его в такие условия, что оно должно неминуемо исчезнуть, или его защитники двинут и утвердят его настолько, что оно сделается одинаково законным для всех штатов, – как старых, так и новых, как северных, так и южных".

Это были смелые слова; но даже самые нерешительные из сторонников Линкольна в конце концов должны были признать, что он говорил правду. Впечатление от его речи было громадное, и с тех пор республиканская партия Иллинойса стала смотреть на него как на своего вождя в борьбе с рабовладельцами и в защите Союза, которому теперь угрожала опасность. Уже нельзя было долее сомневаться, что южные штаты готовы были поставить все на карту, чтобы достигнуть повсеместного признания невольничества, а в крайнем случае даже отделиться от Союза.

Одновременно с Линкольном другая партия выдвинула своим кандидатом его старого соперника – Дугласа. Оба они разъезжали по Штатам в одно и то же время и произносили речи: Дуглас – в поддержку рабовладельческой партии, Линкольн же – против нее. Канзасская борьба была теперь в самом разгаре и речи этих двух враждующих ораторов привлекали к себе всеобщее внимание. Во время этой избирательной борьбы Линкольн как-то объявил, что он считает "непременным долгом конгресса – воспретить невольничество по всей территории Соединенных Штатов". Хотя на выборах Линкольн и получил большинство в четыре тысячи голосов, но в конгрессе вследствие большого числа избранных представителей предстояла перебаллотировка, и он не был утвержден членами сената, подавшими голос за Дугласа. Линкольн несомненно был огорчен таким неожиданным поворотом дела и впоследствии, в разговоре с одним знакомым, так выразился по этому поводу: "Я испытывал тогда чувства мальчика, которому наступили на ногу; было слишком больно, чтобы смеяться, а плакать большому – совестно".

Речи, произнесенные Линкольном во время избирательной

борьбы с Дугласом, привлекли множество сторонников к делу, за которое он стоял. Его речь *“Раздор в доме”* повторялась в самых отдаленных концах страны.

Весьма характерен контраст в расходах на избирательную борьбу двух соперничествовавших кандидатов, продолжавшуюся почти семь месяцев. Богач Дуглас, разъезжавший царем по округу, в сопровождении целой свиты друзей, в особых поездах, даже с пушкою, истратил до пятидесяти тысяч долларов. Линкольн же, как бы стыдясь своей расточительности, признавался, “что все это дело обошлось ему не менее пятисот долларов”.

В течение следующих двух лет Линкольн знакомился со страною, разъезжая по разным местам Соединенных Штатов, где он читал лекции и произносил речи. Между прочим, он был в Нью-Йорке, где сказал замечательную речь, а также в Канзасе, где его восторженно встретили свободные поселенцы. Одним словом, везде, где он ни появлялся, он производил самое благоприятное впечатление на своих слушателей.

В бытность свою в Нью-Йорке он посетил одно ремесленное заведение для бедных детей. Преподаватель в тамошней воскресной школе пишет о его посещении: “В воскресенье в наш класс вошел чрезвычайно высокий, замечательный на вид человек и занял место на скамье. Он следил с таким вниманием за нашими занятиями и лицо его выражало столько интереса к делу, что я подошел к нему и попросил его сказать несколько слов детям. Он согласился на мою просьбу и, выйдя вперед, произнес краткую речь, которая совсем очаровала его маленьких слушателей. В комнате водворилась полная тишина. Он говорил прекрасным языком, его голос доходил до глубины души. На лицах детей было написано, какое они испытывали сильное впечатление. Раза два он хотел остановиться, но раздавались возгласы: “Продолжайте! Пожалуйста, продолжайте!” При взгляде на высокую мускулистую фигуру незнакомца, на его энергическое, сильное лицо, по которому по временам пробегало выражение доброты и нежности, меня мучило любопытство узнать – кто это такой. Я пошел за ним в переднюю. На мой вопрос он вежливо ответил: “Я Авраам Линкольн из Иллинойса”.

Тем временем друзья и почитатели Линкольна решили выставить его кандидатом на самую высокую должность в Союзе. 9 мая 1860 года в большом, нарочно для этой цели устроенном деревянном здании собралось до пяти тысяч человек, включая членов Республиканского конвента штата Иллинойс. Когда все были в сборе, губернатор штата, председательствовавший на митинге, встал с места и сказал: “Мне сообщили, что здесь

присутствует один из самых достойных граждан нашего штата, которого мы все любим и уважаем. Я предлагаю, чтобы его пригласили занять место на платформе", – и он назвал имя Авраама Линкольна. Под бурю аплодисментов Линкольна подняли и усадили на почетное место. Едва шум утих, как в зале при новых восторженных криках появился Джон Генкс, давний товарищ Линкольна, который нес на плечах две жерди со следующею надписью: "Две жерди от изгороди, из числа наколотых Авраамом Линкольном вместе с Джоном Генксом в Сангамонской ложбине в 1830 году".

Когда тишина в зале восстановилась, кто-то из присутствующих попросил Линкольна сказать несколько слов, на что последовал следующий остроумный ответ, вызвавший хохот и самые восторженные аплодисменты.

"Джентльмены, – сказал Линкольн, – вы, кажется, желаете знать о происхождении этих штук. Действительно, мы с Джоном Генксом кололи жерди в *Сангамонской ложбине* – не могу утвердительно сказать, подлинные ли это наши жерди; во всяком случае, похвалиться их изготовлением нельзя; но я знаю одно, что я колол тогда жерди, а теперь могу сделать получше этих".

После того, как шум утих, председатель митинга провозгласил резолюцию, что Линкольн предлагается кандидатом на должность президента Соединенных Штатов, которая, при неумолкаемых аплодисментах, и была принята единогласно.

Через неделю происходил еще один громадный митинг в Чикаго, где собрался Национальный республиканский конвент числом до двадцати шести тысяч человек. Из семи других кандидатов, включая Сюарда, здесь в конце концов был объявлен избранным Авраам Линкольн.

Выбор Линкольна удовлетворил республиканскую партию по всему Союзу. "Члены ее, – говорит один из его биографов, – не могли не признать в нем человека неподкупной честности, с непоколебимыми принципами, с горячей любовью к свободе, и они пошли за ним в политическое сражение с горячностью и энтузиазмом, которые служили залогом победы, тогда как сомнения и нерешительность, царившие в советах их противников, были верными предвестниками их поражения.

6ноября 1860 года происходили окончательные выборы из числа объявленных кандидатов, и Линкольн, главным соперником которого оставался его старый противник Дуглас, был избран шестнадцатым президентом Соединенных Штатов.

Незадолго до выборов с Линкольном виделся один из членов администрации штата Иллинойс, мистер Ньютон Бэтман, который передает из бывшего между ними разговора следующие

знаменательные слова Линкольна по поводу подававших против него голоса пасторов: “Вот двадцать три пастора разных сект, и все они, за исключением трех, были против меня, – вынув Новый завет из кармана, он продолжал, – мистер Бэтман, эти люди хорошо знают, что я отстаиваю свободу в территориях, свободу повсюду, насколько позволяет конституция и существующие законы, и что мои противники стоят за рабство. Они знают это, и в то же время с этой книгою в руках, при свете которой немыслимо существование человеческого рабства, они подают свои голоса против меня. Я просто не понимаю этого”. Он остановился на несколько минут в большом волнении; потом встал со стула и ходил некоторое время взад и вперед по комнате, стараясь вернуть себе самообладание. Наконец он остановился перед Бэтманом со следами слез на лице и продолжал дрожащим голосом: “Я верю в Бога, ненавидящего рабство и несправедливость. Я вижу приближающуюся бурю. Если мне предстоит борьба, я готов к ней. Сам я ничто, но правда – все. Я знаю, что я прав. Я сказал им, что *дом, в котором царит раздор,* устоять не может; то же самое говорит Христос и здравый разум; и они убедятся в этом. Дугласу все равно, будет ли рабство или свобода; но для Бога и человечества – не все равно; и с Божиею помощью я буду держаться до конца. Может быть, я и не увижу его, но люди увидят, что я был прав и что они не так толковали Библию”.

После того, как был избран президентом, Линкольн почувствовал страстное желание увидеться с мачехой, которая жила вместе с дочерью в одной из отдаленных частей Иллинойса. По описанию близких к нему лиц, свидание между ними было самое трогательное, и старая миссис Линкольн, обнимая на прощанье своего “дорогого Эби”, сказала, что она более не увидит его в живых: “Я чувствую, что враги его убьют”. Те же опасения разделяли многие из его родных и друзей.

Отъезд в Вашингтон был назначен на 11 февраля. Утром этого дня Линкольн навсегда покинул дорогой ему Спрингфилд, где он провел лучшие годы своей жизни.

Глава VII. Джон Браун и аболиционисты

Двойственность в политическом строе Америки. – Неизбежный кризис. – Канзасский закон. – Аболиционистское движение. – Волнения в Канзасе. – Джон Браун. – Его характеристика и значение. – Происхождение Джона Брауна. – Очерк его жизни. – Его план борьбы с невольничеством. – Джон Браун в Канзасской войне. – Переход в Миссури. – Виргинская кампания. – Нападение на арсенал. – Неудача предприятия Джона Брауна. – Он в тюрьме. – Суд. – Агитация о помиловании. – Пророческие слова. – Его казнь. – Последний из пуритан

Кровавая борьба с рабовладельческими штатами, предстоявшая теперь Линкольну, уже давно подготавливалась в Америке. Силою обстоятельства в исторической жизни нации настал такой момент, когда междоусобная война оказалась единственным выходом из того двусмысленного положения, в котором стояла великая республика с самого своего основания. Поставив в *декларации прав* 1776 года свободу человеческой личности одним из краеугольных камней своего государственного устройства, американцы в течение почти восьмидесяти лет пытались совместить под общей республиканской формою правления два строя общественной и экономической жизни, по существу своему совершенно несовместимые, из которых один основывался на свободном труде свободного человека и гражданина, другой – на подневольном труде бесправного раба. Кровавый кризис, поглотивший три миллиарда из народной казны и стоивший триста тысяч человеческих жертв, разрешил навсегда это вековое недоразумение.

Еще до революции, в конце шестидесятых годов XVIII века население Виргинии неоднократно представляло законы о прекращении вывоза невольников из Африки; но они не получали санкции английского короля Георга III, который даже прислал собственноручную инструкцию губернатору провинции, чтобы “…ни под каким видом не были допускаемы законы, стеснявшие ввоз невольников”. К петициям виргинцев на имя короля по этому вопросу, перед самым отделением, готовы были присоединиться жители Мерилэнда, Нью-Джерси, Пенсильвании и других северных колоний. Следовательно, и тогда уже общественное мнение страны сознавало всю ненормальность социального строя, господствовавшего в южных рабовладельческих провинциях.

В 1775 году в Филадельфии образовалось первое *пенсильванское общество аболиционистов* (упразднителей невольничества), которое избрало своим президентом Бенджамина Франклина, уже в 1790 году представившего в конгресс проект об уничтожении рабства. Несколько позже пенсильванского подобное же общество аболиционистов было основано в Нью-Йорке, а потом в штатах Конектикут, Делавэр, Мерилэнд, Виргиния и других. Сильная агитация против невольничества распространилась тогда в разных местах Союза. Наконец в 1808 году конгресс, только через 18 лет после проекта Франклина, утвердил закон против торговли неграми, вывозимыми из Африки.

В 1820 году, во время присоединения к Союзу рабовладельческого штата Миссури, агитация против невольничества значительно усилилась, и благодаря стараниям аболиционистов в конгрессе прошел известный закон, так называемое *Миссурийское соглашение,* о котором уже говорилось в предыдущей главе и которым был положен предел дальнейшему распространению невольничества.

С конца тридцатых годов, когда Линкольн начал свою политическую деятельность в Иллинойсе и заявил публично свой первый протест против рабства, в разных частях Союза шла энергическая агитация против торговли неграми; но рабовладельческая партия, заинтересованная в распространении такой торговли, была тогда настолько сильна в конгрессе, что провела постановление, в силу которого всякие петиции и заявления конгрессу аболиционистов в этом направлении решено было оставлять без внимания.

Поворотным пунктом в движении аболиционистов был 1854 год, когда билль, внесенный в конгресс Дугласом, о допущении невольничества в некоторых свободных территориях Запада, преимущественно в Небраске и Канзасе, сделался законом, и Миссурийское соглашение было фактически упразднено.

Население свободных северных штатов, хотя и враждебное невольничеству, до сих пор сдерживалось в своих действиях желанием жить в мире с рабовладельческим Югом и потому открыто не подавало руки крайней партии аболиционистов, стремившейся вовсе упразднить невольничество. Но когда предел распространению рабства в Союзе был снят и оно грозило стать повсеместным, им ничего более не оставалось, как перейти к открытой борьбе.

Первым театром для вооруженных столкновений был до тех пор свободный Канзас, куда рабовладельческая партия из соседнего Миссури направила шайки разбойников, которые, под

видом эмигрантов, должны были поселиться в стране, подавать голоса за невольничество и своими разбоями и насилием сделать невозможным дальнейшее пребывание в Канзасе трудолюбивых северных поселенцев, бывших врагами рабства. Программа эта энергически приводилась в исполнение. Тогда северные штаты стали посылать оружие и отряды волонтеров на помощь поселенцам; кроме того, туда направилось с севера много эмигрантов. Результатом всего этого было то, что в стране воцарилась партизанская междоусобная война, продолжавшаяся несколько лет и окончившаяся только с утверждением в 1861 году конституции штата Канзас, отвергавшей невольничество. Предводителем и душой вооруженной борьбы аболиционистов в Канзасе был Джон Браун, имя которого впоследствии сделалось знаменитым по всему Союзу и который заплатил жизнью за свою беззаветную преданность идее освобождения раба.

Человек этот по своей титанической энергии, силе характера и суровым добродетелям напоминает полумифических героев древности. Вся жизнь его была подвигом во имя справедливости и любви к человеку, а последние годы ее полны самого драматического интереса. Отчаянная попытка Джона Брауна с горстью преданных товарищей вступить в открытую борьбу с защитниками рабства, на стороне которых были и власти, и войско, и закон, – конечно, должна была закончиться гибелью этих мужественных и преданных своей идее людей. Но смерть этого первого борца, начавшего великую войну с рабством, вскоре потом охватившую всю Америку, не прошла бесследно. Она дала последний толчок тому чувству ненависти к невольничеству, которое уже назрело в сердцах лучших людей Америки; и имя этого человека, повешенного законным судом, через два года сделалось воинственным кличем северных батальонов, шедших умирать на полях Пенсильвании и Мерилэнда. Мы считаем нелишним привести в биографическом очерке Линкольна краткий обзор жизни и особенно последних лет деятельности этого замечательного человека. Оба они служили одному и тому же правому делу и оба погибли в борьбе за него; один под рукою убийцы, другой на виселице по приговору суда.

Джон Браун родился в 1800 году в Торингтоне, штат Конектикут. Родители его, как и Линкольна, были потомками первых пуритан, поселившихся в Америке. Предок его, Петр Браун, был в числе первых *отцов-пилигримов,* прибывших в 1620 году на знаменитом корабле *“Мейфлауэр”* в Массачусетс, где они основали город Плимут и сделались родоначальниками населения штатов Новой Англии. Дед его, капитан в армии Вашингтона, погиб в войне за независимость в 1776 году. Детство

и юность Брауна прошли в пустынях Огайо, первобытной стране, кишевшей тогда стадами бизонов и населенной индейцами. Отец его, переселившийся сюда, когда Джону было пять лет, занимался скотоводством и выделкою кож, научившись этому ремеслу у индейцев, с которыми он был в постоянных контактах. Еще с шести лет мальчик привык бродить с дикими стадами по бесконечным степям, среди индейцев, языку которых он научился. Эта суровая вольная жизнь закалила его натуру, развила в нем энергию и самостоятельность и приучила к той выносливости, которой он отличался в своей последующей, полной тревог и лишений, жизни. Когда началась война с Англией в 1812 году, отец его стал поставщиком скота для американского войска и посылал его со стадами, так что двенадцатилетнему мальчику иногда приходилось уходить более чем за сто миль от дому.

Строго храня пуританские предания, семья его была религиозна и отличалась высокой нравственностью; с раннего детства Джон Браун привык чтить Библию как единственный путеводитель в жизни человека. Строго говоря, он не получил никакого образования. По его собственным словам, его посылали в школу только урывками, и он едва выучился грамоте и четырем правилам арифметики. Десяти лет ему попалось несколько хороших исторических книг от одного знакомого его отца, и с тех пор в нем развился вкус к серьезному чтению. Вот каким он был в юношеском возрасте: “...в пятнадцать лет уже был чрезвычайно сильным, рослым парнем, способным и готовым на самую тяжелую работу взрослого человека. Познакомившись с жизнью великих и мудрых людей, с их речами и писаниями, я получил отвращение к пустым разговорам и пустым людям... В самом раннем возрасте всегда старался довести до конца раз начатое дело... Во время войны, еще мальчиком, мне приходилось сталкиваться с разными людьми, теперь известными, и быть свидетелем их поступков, и я составил о них свое собственное мнение. То, что я видел, поселило во мне такое отвращение к военному делу, что я до окончания призывного возраста предпочитал платить штраф как квакер и освобождался от службы в милиции”.

Заметим, что это говорит человек, который из-за преданности идее посвятил большую часть жизни изучению ненавистного ему военного дела. Эти строки, написанные о своей юности Брауном уже в 1857 году, дают весьма определенное представление о его натуре, – экзальтированной, в высшей степени серьезной, строгой к себе и другим, но при этом крайне энергичной и неутомимой в преследовании однажды выбранной цели.

Во время той же войны с Англией Брауну пришлось остановиться со стадом скота в доме одного богатого плантатора, который относился к нему чрезвычайно ласково, сажал за свой стол и хвалил знакомым за его способности и молодечество. В том же доме, в числе дворни, проживал один маленький негр, с которым обращались, как с собакой, и на глазах Джона били чем попало. Все это произвело сильное впечатление на возвышенную душу мальчика, и он задумался о судьбе маленьких негров, отрываемых от родителей. С тех пор он дал клятву на вечную борьбу с невольничеством и сделался самым решительным *аболиционистом.*

До двадцати лет Джон Браун был помощником отца, державшего тогда в Огайо кожевенную мастерскую, где Джон исполнял самые разнообразные обязанности, начиная от мастера до повара для рабочих. В это время по совету отца и собственному влечению он женился на очень хорошей молодой девушке, строгого пуританского воспитания, которая, по его словам, “...имела на него до самой смерти самое плодотворное влияние и своими простыми, кроткими словами сдерживала порывы его гордого и упрямого характера”. После смерти ее, когда ему уже было около сорока лет, Джон Браун женился во второй раз; и вторая жена была его ближайшей сотрудницей и преданным другом в том трудном деле, которому он посвятил большую часть своей жизни. После неудачной, по недостатку средств, попытки приготовиться на должность пастора, Браун обратился к ремеслу своей юности и стал кожевником. Этим делом он занимался до сороковых годов в разных городах Огайо и Пенсильвании.

В 1838 году, когда он жил в Огайо и был знаком уже со многими из выдающихся аболиционистов, у него созрел определенный план вооруженной борьбы с невольничеством, идея которой пробудилась в нем еще с самого детства и никогда не покидала его. Этот план, за исключением некоторых подробностей, остался без изменения и до его виргинской экспедиции в 1859 году (только за год перед тем он открыл его в подробностях некоторых из своих близких друзей и единомышленников в Бостоне); но за это время он тщательно изучил военное дело во всех его подробностях и даже в 1848 году, во время путешествия на континент, всячески старался ознакомиться с положением и подробностями организации европейских армий.

Сущность плана борьбы с невольничеством Джона Брауна заключалась в том, чтобы неожиданно поднять партизанскую войну (или войну гверильясов) в центрах рабовладельческого

Юга. Опираясь на преобладающее черное население, содействие аболиционистов и свободных северных штатов, внезапные нападения отрядов, скрывавшихся в неприступных горных местностях, на плантации должны были, по его мнению, поднять восстание черных и вызвать такую панику между захваченными врасплох плантаторами, что те были бы вынуждены отказаться от невольничества. Этим путем Джон Браун надеялся достигнуть освобождения почти без кровопролития.

Не входя в рассуждения о том, насколько эта идея была осуществима на деле, следует упомянуть, что подробный план кампании для борьбы с рабством был с таким глубоким знанием военного дела разработан Джоном Брауном, что друзья, которым он изложил его в 1858 году, были поражены его организаторской способностью. Все практические мелочи, все неудачи и неблагоприятные условия были предвидены, при удивительном знании местности предполагавшихся военных операций.

Конечно, Джон Браун не нашел товарищей для своего отчаянного, как им казалось, предприятия из числа близких ему и влиятельных аболиционистов Бостона; но они не могли противостоять его горячему энтузиазму и непоколебимой вере в конечный успех того дела, которому он посвятил свою жизнь, и обещали ему свою негласную поддержку. “Мы видели перед собой, – писал один из них впоследствии, – одинокого старика, избравшего своею долей бедность, пожертвовавшего семьей, покоем, добрым именем и готового отдать свою жизнь ради освобождения угнетенной расы, чтобы смыть пятно рабства, позорившее его родину”.

Уже после того, как Джон Браун вместе с уцелевшими из его сообщников был схвачен виргинскими властями, один из выдающихся плантаторов Юга высказался в печати: “Это был один из самых опасных по своему замыслу и исполнению заговоров”.

Идея борьбы с рабством уже давно пронизывала всю жизнь Джона Брауна и всегда стояла у него на первом плане; он воспитал самого себя и своих детей в служении ей, и она составляла такую же неотъемлемую часть его домашнего обихода, как утренняя или вечерняя молитва. Его жена поклялась ему быть помощницей в этом деле, он постоянно искал подходящих себе товарищей. На вопрос одного из друзей в 1857 году, как могла согласиться жена на его постоянное отсутствие в семье, причем жизнь его была всегда в опасности, Джон Браун ответил: “Я постоянно говорил ей, что, когда придет время борьбы, мы должны расстаться. Она уже давно приготовилась к этому, и когда настала пора отъезда, у нее уже были готовы лекарства и

бинты для раненых”. Мало того, она послала с ним на смерть двух сыновей, которые были убиты на его глазах.

В 1849 году Джон Браун познакомился с известным аболиционистом Герритом Смитом, владельцем громадных земель в лесах Адирондака. Публикациями в газетах последний приглашал негров брать у него бесплатно участки земли и устраивать фермы. Браун обратился к нему с таким предложением: “Я вырос в лесах и знаком с устройством новых поселений. Я заведу ферму между вашими новыми поселенцами и научу их, как расчищать и возделывать новую землю. Я буду, насколько могу, давать им работу и всячески заботиться о них, как отец”. Смит принял это предложение и предоставил своему новому другу на льготных условиях участок земли, где Джон Браун вскоре поселился со своею семьей и опять начал знакомую ему с юности многотрудную жизнь пионера. Поселившись в этом месте, Джон Браун преследовал троякую цель. Кроме желания помочь несчастным неграм, он надеялся между ними найти и подготовить волонтеров для своей будущей виргинской экспедиции, что было очень удобно в таком уединенном месте; и в то же время он хотел обеспечить угол и убежище своей семье, когда ему придется покинуть ее. Последнее желание его осуществилось, и в конце концов он сам был погребен в этой живописной долине, окруженной горами, где он провел несколько лет своей труженической жизни. Как только прошел закон, допускавший невольничество в свободном Канзасе, сыновья Джона Брауна переселились туда из Огайо; их пленяла свободная, полная тревог и приключений жизнь в новой стране. Скоро начались и те волнения в Канзасе, о которых сказано, и Джон Браун присоединился к своим сыновьям. По всем почти свободным штатам устроились так называемые канзасские комитеты для сбора денег, поддержки эмиграции и вооружения колонистов. Все внимание страны было обращено на отдаленную территорию, даже образовался национальный комитет для помощи свободным канзасцам, в котором состояли Линкольн, Смит, Сюард и другие выдающиеся представители аболиционистской партии.

Джон Браун сделался вождем в борьбе с рабовладельцами и встал во главе отряда из местных волонтеров, в котором участвовали и его сыновья, для защиты свободных колонистов от шаек миссурийских разбойников. Хотя война в Канзасе и не входила в его план, но он воспользовался этим случайным событием как ближайшею подготовкою и началом организации более серьезного замышляемого им дела. С обычной своей энергией и увлечением, не щадя ни самого себя, ни своих

близких, бросился он на этот бой с рабством, и только благодаря ему свободным колонистам Канзаса удалось восторжествовать над своими врагами. Победа эта имела и общегосударственное значение. Вот что говорил “Чарлстонский Меркурий” (влиятельная южная газета) в начале войны: “Все партии согласны в одном, что эта канзасская война является поворотным пунктом в дальнейшей судьбе невольничества и аболиционизма. Если восторжествует Юг, то аболиционизм будет разбит и окончательно обессилен. Если же он будет побежден, то аболиционизм усилится, будет становиться все более и более дерзок в своих требованиях, пока все это не завершится гибелью Юга”.

Из выдающихся схваток этой партизанской войны было сражение при *Зсаватоми,* маленьком городке близ Миссури, где Джон Браун с тридцатью волонтерами разбил и обратил в бегство миссурийскую банду более чем в триста человек. В этой схватке был убит один из его сыновей, а другой, взятый в плен, сошел с ума.

Междоусобная борьба в Канзасе продолжалась с перерывами с 1856 по 1858 год, имя Джона Брауна сделалось известным по всему Союзу. Но крайние взгляды его относительно борьбы с невольничеством не встретили поддержки среди колонистов Канзаса, которые не расположены были идти далее защиты своих поселков от набегов рабовладельческих шаек и вовсе не сочувствовали наступательной войне, которую Джон Браун хотел перенести в самый Миссури. По его мнению, подтвердившемуся вскоре после того, “мирная эмансипация была невозможна: дело зашло слишком далеко”. Его обращения к разным комитетам за дальнейшим содействием, чтобы организовать отряд для действий в Миссури, и неоднократно к самому обществу через газеты также не имели успеха, потому что и большинство аболиционистов не разделяло тогда его крайних взглядов. Оставленный без помощи, он с небольшой бандой сочувствующих его идеям товарищей, при самых жалких средствах, в конце 1858 года перешел в Миссури и освободил невольников с разных плантаций. Все это окончательно возбудило против него и местных жителей Канзаса и административные власти, которые видели в его действиях прямое нарушение законов и спокойствия страны. В конце концов, потеряв двух сыновей и все имущество, ему пришлось скрываться как предводителю разбойничьей шайки и бежать из той самой страны, которую он спас от ужасов рабства.

Нам остается коснуться самого последнего и главного эпизода из жизни Джона Брауна, так называемой “виргинской кампании”, завершившейся его смертью.

В горном ущелье, на границе штатов Мерилэнд и Виргиния, стоял городок Харперс-Ферри, почти разрушенный во время междоусобной войны армиями Севера и Юга, состязавшимися из-за этого стратегического пункта. В городке, недалеко от берега реки, находилось здание союзного арсенала, где хранилась масса всякого оружия. В этой местности, вблизи столицы Америки, полной исторических воспоминаний и представляющей собою как бы Фермопилы старого невольничьего гнезда Виргинии, Джон Браун задумал начать свое отчаянное предприятие, с общим планом которого мы уже познакомились ранее.

Днем нападения на Харперс-Ферри и арсенал было назначено 17 октября 1852 года. К 30 июня он со своими товарищами уже был в окрестностях городка, причем для склада оружия и временного помещения была нанята небольшая ферма, находившаяся поблизости. Большая часть его товарищей скрывалась в окрестностях и по ночам появлялась в нанятом доме. Весь отряд Джона Брауна, с которым он задумал пошатнуть власть всемогущих плантаторов, состоял из 23 человек, включая его самого, трех сыновей и двух зятьев; в их числе находились и шесть негров. Все это были люди необычайной энергии, безграничного мужества и самого высокого нравственного идеала; они добровольно пошли на это отчаянное предприятие с твердой решимостью умереть за правое дело, которому они служили с безграничной верою в своего вождя.

Из оставшихся после Брауна заметок видно, что товарищей первого своего предприятия он предназначал офицерами и начальниками частей будущего многочисленного отряда, который должен был вырасти из этой кучки отчаянных храбрецов. Все дело сохранялось в величайшей тайне, даже сочувствующие ему близкие люди из северных аболиционистов знали о его предприятии только в общих чертах. Он располагал самыми ограниченными средствами – 1 тыс. долларов, пожертвованных одним из участников экспедиции. Прожив почти три месяца на ферме в Мерилэнде и изучив до тонкости все подробности и условия местности, Джон Браун и его товарищи держали себя так осторожно, что мирным сельским обывателям, с которыми они были в сношениях, и в голову не могло прийти, какое отчаянное дело затевали эти поселившиеся между ними добродушные люди. В этот промежуток времени на взятую Брауном ферму приезжали его шестнадцатилетняя дочь и свояченица, которые прожили там месяц. Это были последние счастливые дни в его жизни. Сын его Оливер отвез их в начале октября на ферму, где оставалась его жена с другими дочерьми и свояченицами, и потом вернулся обратно к отцу.

В дождливый и темный вечер 16 октября Джон Браун собрал на ферме своих товарищей. “Готовьте оружие и пойдем на Ферри”, – сказал он им. Он сел в приготовленную для него тележку, в которую был положен тяжелый молот, лом и другие инструменты, и маленький отряд тронулся по дороге небольшими партиями, чтобы не обращать на себя внимания. В конце моста, на виргинской стороне, им попался сторож, которого они немедленно арестовали, – и маленькая кучка людей, никем не замеченная, подошла к воротам арсенала, находившегося у самой набережной. Тут они остановились в половине десятого вечера; при помощи привезенного в телеге инструмента взломали запоры и бросились во двор арсенала, захватив без всякого шума двух сторожей. Джон Браун с двумя товарищами остался на часах у ворот; четырнадцать человек были посланы для захвата оружейного завода. Оливер Браун с другим товарищем занял мост, где захватил несколько человек и отправил их к отцу в арсенал. Все это сделалось без выстрела; до полуночи весь городок Харперс-Ферри и арсенал с его мастерскими были в руках Джона Брауна. Тем временем он послал часть своих людей в окрестные плантации для захвата заложников из владельцев и освобождения невольников, и к утру следующего дня число пленных, находившихся в руках Брауна и запертых в арсенале, превышало уже тридцать человек; среди них был полковник Вашингтон, один из членов виргинского правительства, потомок великого президента. До десяти часов утра следующего дня никто из товарищей Брауна еще не был убит; они держали городок в своих руках и неожиданным, дерзким нападением произвели такую панику в городе и окрестностях, что, если б Джон Браун по совету друзей до рассвета скрылся с отрядом в горах, то отчаянная попытка этой горсти смельчаков имела бы, по всей вероятности, другой исход и, может быть, дала другой оборот ходу исторических событий. Но, под тем или иным предлогом, он оттягивал свое отступление, пока, наконец, оно сделалось невозможным.

К утру жители Харперс-Ферри и окрестностей оправились от паники и стали собираться вокруг арсенала. Завязался отчаянный бой. Все люди Брауна, находившиеся на реке и в оружейном заводе, вскоре были перебиты или захвачены. После полудня он собрал остатки своего отряда в машинном здании, около ворот арсенала, и еще несколько часов отбивался от окружавшей его со всех сторон массы вооруженных людей. Когда к вечеру того же дня на место побоища прибыл из Вашингтона с ротой солдат полковник Ли (будущий полководец южан), из товарищей Джона Брауна оставалось только шесть человек, из которых двое были

ранены, и сам он истекал кровью. Два сына его уже лежали мертвые рядом с ним.

Из той горсти людей, с которыми Джон Браун задумал начать освобождение рабовладельческого Юга, погибли в борьбе и на виселице семнадцать человек; из них шесть человек были членами его семьи.

Израненный, еле живой старик со своими уцелевшими сподвижниками был немедленно перевезен в тюрьму Чарльстона, где производилось следствие и суд. Дело тянулось до конца ноября; и в течение шести недель его заключения этот уже умирающий человек не прекращал свою устную и письменную проповедь против рабства. Приводим выдержку из его последнего, весьма характерного письма к известному в Америке пастору и педагогу Гемфри, которое было напечатано еще до смерти Брауна и завоевало ему всеобщее сочувствие и уважение в Штатах, окружив его казнь ореолом мученичества. “Дорогой друг, передо мною твое доброе письмо. Сколько мне известно, я первый человек из всего нашего рода, начиная со времен Петра Брауна, который посажен в тюрьму и приговорен к виселице. Но, дорогой друг, это не должно огорчать тебя. Ты помнишь, где погиб наш дед в 1776 году, и, если б обстоятельства изменились, ему тоже грозил бы эшафот. Может быть, и нет причин радоваться предстоящему мне концу, но я не боюсь его... я не испытываю никаких страданий или унижения и нисколько не стыжусь моих цепей и предстоящей смерти... Мне было бы шестьдесят лет в будущем мае. Я вполне насладился жизнью и был чрезвычайно счастлив, так как привык смотреть на благополучие других как на мое собственное... во всю свою жизнь я пользовался замечательным здоровьем и до сих пор обхожусь без очков... И теперь, когда мне приходит мысль, как легко я мог бы испортить то, что уже сделано мною в пользу свободы человека, я не осмеливаюсь желать продления моей жизни...”

Позорная казнь, предстоявшая человеку, добродетели которого вызывали только удивление, возбудила самые горячие чувства жалости в свободных штатах республики. Везде собирались митинги, подавались петиции, во всех газетах печатались статьи, взывавшие к чувству милосердия судей Джона Брауна. Но виргинские рабовладельцы остались непреклонны, и посягнувший на их благополучие человек был осужден на виселицу.

Перед самой казнью, последовавшей 2 декабря 1859 года, Джон Браун передал одному из тюремщиков клочок бумаги, на котором были написаны следующие пророческие строки:

“Я, Джон Браун, теперь совершенно уверен, что только одна

кровь смоет великое преступление этой грешной страны...”

Американцы часто называли Джона Брауна *последним из пуритан. Это* название довольно верно характеризует его. Он не только был пуританин по происхождению, но сохранил веру своих предков в предопределение и откровение свыше. В нем сохранилось также пуританское презрение к роскоши, равнодушие к искусству и их суровые добродетели.

Глава VIII. Президент Республики

Выбор Линкольна – сигнал к войне. – Первая декларация об отделении южных штатов. – Конфедерация. – Трудности положения Линкольна. – Захват форта Сомтера. – Начало войны. – Разгром северных армий. – Наборы волонтеров. – Прокламация к южным штатам. – Невольники объявлены свободными. – Всеобщий восторг. – Поражения северян продолжаются. – Уверенность нации в Линкольне. – Поворот войны. – Победа северных армий под Геттисбергом. – Речь Линкольна на поле битвы. – Дальнейшие успехи северян

Теперь нам предстоит коснуться самых мрачных страниц в истории Соединенных Штатов, когда, по словам Линкольна, “в доме воцарился раздор”, и вся страна разделилась на два враждебных лагеря, которые в течение нескольких лет вели между собою кровопролитную и самую ужасную из всех войн – войну междоусобную.

Едва Линкольн был объявлен президентом, как неудовольствие, тлевшее до тех пор, как искра в разных частях Юга, охватило пожаром все южные штаты: выбор Авраама Линкольна в президенты Соединенных Штатов стал сигналом для немедленной борьбы.

В этом выборе южане видели разрушение всех своих надежд. Они сознавали, что теперь было в опасности не только распространение, но самое существование невольничества, на котором основывался весь их экономический строй, и они решили всеми силами защищать свои права. Вскоре после выборов законодательное собрание Южной Каролины собрало в Чарльстоне конвент, который единогласно провозгласил, что “Союз, существовавший между Южной Каролиной и другими штатами под именем *Соединенных Штатов Америки,* отныне расторгается”; причем поводом к отделению выставлялось враждебное отношение восторжествовавшей на выборах партии к учреждению невольничества. За этой декларацией последовало назначение особой комиссии для переговоров с другими рабовладельческими штатами, с целью отделения от Союза, и с правительством Соединенных Штатов – по разделу государственных имуществ и долга. К концу февраля 1861 года еще шесть южных штатов решили отделиться от Союза, а вскоре после того все эти семь штатов подняли знамя восстания и учредили свое собственное правительство, назвавшись Конфедеральными Штатами Америки. Они выбрали своим президентом Джефферсона Дэвиса и приготовились к войне с

северными, или Федеральными Штатами, как их называли, захватив перед этим все находившиеся в их пределах склады оружия, крепости, таможни, военные суда и почтовые конторы.

Южная партия, как уже было сказано, имела большое влияние в стране, и представители ее занимали многие важные должности в управлении. Теперь обнаружилось, с какой беззастенчивостью они пользовались своей властью, чтобы оказать помощь рабовладельческой партии. Бывший военный министр, один из выдающихся южан, еще ранее заготовил в арсеналах Севера на счет правительства Соединенных Штатов множество оружия и военных припасов и переместил все эти запасы в такие пункты, где они легко могли быть захвачены южанами. Военный флот был раскидан по отдаленным частям побережья. К довершению всего, казначейство оказалось пустым.

При самом вступлении в свою должность, в марте 1861 года, новый президент встретился лицом к лицу с громадными трудностями, которые еще усугубились тем обстоятельством, что, несмотря на угрожающие действия Юга, некоторые из северных штатов обнаруживали крайнюю неохоту вступать в открытую борьбу с восстанием, стремившимся к расторжению Союза. Боязнь междоусобной войны была до того сильна, что многие, ради обеспечения мира, даже соглашались на отделение Юга. В своей вступительной речи Авраам Линкольн в самых трогательных словах убеждал южан не бросать их общую родину и не начинать братоубийственной войны. Но все было напрасно. Южане не желали мира, и выбранный ими второй президент вполне высказал их намерения в таких диких словах: “С оружием в руках, все сокрушая огнем и мечом, мы двинемся туда, где нас ожидает верная победа, – в густо населенные города Севера”.

Это была не пустая угроза. Через месяц после вступительной речи президента, когда министр внутренних дел не принял южную комиссию, не признавая, на основании конституции, их права трактовать о расторжении Союза, – южане обложили форт Сомтер, в Чарльстонской гавани, где находился северный гарнизон из семидесяти человек, и заняли его после тридцатишестичасовой бомбардировки. Это было 14 апреля 1861 года.

Такое ничем не вызванное насилие положило конец всем разногласиям и соединило воедино все северные штаты с целью подавления восстания южан и сохранения в целости Союза.

Через несколько дней население северных штатов с энтузиазмом отозвалось на призыв президента к ополчению в семьдесят пять тысяч человек, как и на многие другие, вскоре последовавшие за ним.

Замечательно, что в этот самый критический момент старый противник Линкольна, Дуглас, под влиянием разгрома форта Сомтер, изменивший свои взгляды на невольничество и южан, один из первых явился к нему и предложил свой совет и помощь. Когда президент прочел ему свою прокламацию о призыве семидесяти пяти тысяч человек, Дуглас отвечал: “Измените цифру на двести тысяч; я лучше вас знаю бессовестные цели мятежников”. И люди, враждовавшие в течение двадцати лет, с тех пор стали самыми близкими друзьями.

Восстание принимало гигантские размеры; все южные штаты, за исключением четырех, присоединились к *конфедератам,* и скоро *великое горе* – как Линкольн с грустью называл эту войну – разразилось над всей страною.

Мы ограничимся самым кратким обзором событий, быстро следовавших теперь одно за другим, так как более подробное описание этой кровопролитной войны не будет соответствовать ни размерам, ни программе нашего очерка. Первым важным эпизодом войны, после разгрома форта Сомтера, было взятие конфедератами арсенала у Харперс-Ферри, одновременно с которым войска Союза принуждены были сами уничтожить Госпортское адмиралтейство, чтобы оно не досталось в руки южан; причем федералисты потеряли громадное количество оружия, военных снарядов и много судов. Затем следовало знаменитое сражение при Булл-Ране, где северяне потерпели полное поражение, – хотя, с другой стороны, разгром и был не без пользы для них, показав всю трудность предстоящей борьбы и заставив их сосредоточить все свои силы и энергию. Несомненно, так думал и Линкольн. Он немедленно потребовал у народа еще полмиллиона солдат, и так сильно было доверие к нему северян, что, когда он просил полномочия на меры, имевшие целью сделать войну “решительной и краткой”, то конгресс почти единогласно принял резолюцию, которою обязывался давать в его распоряжение необходимое количество денег и людей для подавления Юга.

Вскоре после этого военные операции Севера пошли несколько удачнее, и к концу года, когда они уже располагали армией в шестьсот тысяч человек, расположение этих войск на театре войны обещало успех. Но в 1862 году последовал ряд жестоких сражений как на суше, так и на море, в которых северяне терпели неудачи; из них самой главной был разгром армии Мак-Клеллана, шедшей на Ричмонд, которая потерпела поражения в целом ряде кровопролитных битв, потеряв пятнадцать тысяч человек.

Нисколько не обескураженный неудачей Линкольн в июле

потребовал триста тысяч человек, а через месяц еще столько же для пополнения рядов северной армии. Не довольствуясь этим, он теперь решил привести в исполнение давно задуманную меру, которая составляет самое великое дело его жизни и которая обессмертила его имя.

До этого времени президент не решался объявить уничтожение невольничества; он помнил, что это ненавистное учреждение было все-таки основано на конституционном праве в некоторых штатах. Хотя сущностью войны и была борьба с невольничеством, но формально она имела целью подавление восстания в Южных Штатах, желавших распространить рабство в других частях Союза и, вследствие неудачи этого плана, решивших отделиться от республики. Видя, что война со всеми ее ужасами уже тянулась второй год и конца ей не предвиделось, Линкольн пришел к убеждению, что рабство, лежавшее в корне восстания, должно быть уничтожено. Освободив три тысячи негров в округе Колумбия, где находится Вашингтон, и объявив свободу всем неграм, которые встанут в ряды северных армий, он решился на их освобождение по всем Штатам, что и определило настоящий характер войны, как *борьбы с рабством.* Этому решительному шагу предшествовала прокламация президента, появившаяся в сентябре 1862 года, в которой было объявлено, что, если к январю 1863 года конфедераты не сложат оружия, все невольники в восставших против Союза штатах будут объявлены свободными. Южные штаты не подчинились требованиям Линкольна, результатом чего явилось освобождение четырех миллионов рабов, многие из которых встали в ряды северных армий против своих бывших господ и тем дали возможность северянам успешнее прежнего продолжать войну.

Линкольн намеренно задержал обнародование своей прокламации до сентября 1862 года, когда было получено известие о первом успехе северян, чтобы не дать повода своим противникам к истолкованию его призыва к неграм как признака слабости. Сохранилось достоверное известие о торжественной клятве, данной в то время президентом, что если конфедераты будут изгнаны из Пенсильвании, то он увенчает победу освобождением рабов. Подписав *в Белом доме* 1 января 1863 года знаменитую *прокламацию об освобождении,* он заметил многочисленным посетителям, которым ему приходилось пожимать руки: “Подписал дрожащей рукой: она устала, но решение мое твердо. В сентябре я объявил южанам, что если они не вернутся в Союз и не прекратят убийства наших солдат, то я пошатну эту главную основу их силы. Теперь я намерен выполнить свое обещание до последнего слова”.

Появление прокламации вызвало всеобщий восторг. Противники невольничества видели теперь конец ужасной борьбы; сомневавшиеся приобрели уверенность, но главное, всем стало ясно, что рабству теперь был положен конец. По словам одного американского писателя: “Никакие слова не в состоянии выразить чувств восторга и благодарности, вызванных прокламацией среди томившегося в долгой неволе черного племени, которому теперь открывался блаженный путь свободы”.

Беспощадная борьба продолжалась и в 1863 году. Северяне терпели постоянные поражения, среди них был заметен упадок духа; но их не покидала уверенность в Линкольне и его способности справиться со всеми бедами, грозившими государству. Надежды их оправдались. С середины года счастье повернуло на их сторону. В июне 1863 года южане, вторгнувшиеся в Мерилэнд и Пенсильванию, были разбиты с большими потерями под Геттисбергом. Сражение это стало поворотным пунктом войны, и теперь южане потеряли надежду сломить силу Севера.

В конце года, на самом поле сражения, часть которого была обращена в кладбище для павших в этом бою, Линкольн, по окончании торжественной церемонии освящения, произнес следующие памятные слова:

“Восемьдесят лет тому назад, на этой самой земле, предки наши произвели на свет новую нацию, зачатую в свободе и убеждении, что все люди родятся равными. Теперь мы ведем великую войну, которая должна доказать прочность существования государства, созданного во имя этих начал. Мы сошлись на поле одной из самых кровавых битв этой войны; сошлись, чтобы освятить часть этого поля для вечного успокоения тех, кто пожертвовал своею жизнью, дабы упрочить жизнь самой нации. Мы делаем хорошее дело. Но, в широком смысле слова, мы не в силах уже более освятить это место. Мужественные люди, как живые, так и погребенные здесь, уже сделали это раньше нашего.

Слова, сказанные здесь, надолго останутся в людской памяти; но дело этих людей никогда не забудется. Скорее мы, живущие, воодушевленные их примером, должны посвятить себя Великому Делу, чтобы кровь их не была пролита даром; чтобы наша нация, с помощью Божией, снова возродилась в свободе и чтобы правление народное, из народа и для народа – не исчезло с лица земли”.

За победою под Геттисбергом северяне в том же месяце одержали верх над своими противниками под Виксбургом и при порте Гудзон.

Глава IX. В Белом Доме

Трудности управления страною. – Непоколебимая энергия Линкольна. – Гуманность его натуры. – Жизнь в Белом доме. – Эпизоды приемов. – Маленький барабанщик. – Старушка из провинции. – Отвращение к смертной казни. – Просьба сенатора. – Осиротелая мать. – Линкольн неумолим к торговцу невольниками. – Раненый солдат. – Взгляд Линкольна на доступность официальных лиц. – Характер его речей. – Наставление сыновьям

Как уже было сказано, Соединенные Штаты Америки переживали теперь самый мрачный период своей истории. Понятно, сколько энергии, твердости и государственной мудрости требовалось от человека, стоявшего во главе правительства в то время, когда самому существованию государства угрожала опасность.

Жизнь Линкольна, последние четыре года заполненная тревогами и волнениями, представляла теперь один непрерывный ряд забот, требовавших почти сверхчеловеческого труда, так что и этот железный человек, закаленный в работе и всевозможных лишениях, по временам изнемогал под тяжестью ужасного бремени. Знавшие его в Иллинойсе всегда веселым, здоровым, полным жизни и юмора, видели теперь измученного работою человека, с глубокими морщинами на лице. Во все время своего президентства он не позволял себе малейшего отдыха, и, в то время, как другие члены правительства в период летнего зноя и духоты уезжали иногда из Вашингтона за город, он никогда не покидал столицы и бессменно оставался на своем посту до тех пор, пока не миновали опасности, угрожавшие государству.

Среди всех этих государственных забот и непомерной умственной работы Линкольн, однако, оставался тем же бесконечно добрым и простым человеком, каким был и во время своей молодости. Преобладающие черты его гуманной натуры выступали теперь с особенной яркостью, и потому мы приводим ниже несколько характерных эпизодов из его жизни в Вашингтоне во время войны, заимствованные из книги Карпентера *“Шесть месяцев в Белом доме”*.

Во время одного из многочисленных приемов в Белом доме Линкольн заметил болезненного вида мальчика лет тринадцати, ожидавшего своей очереди. “Поди сюда, мой мальчик, – подозвал его Линкольн, – и расскажи мне, что тебе нужно”. Мальчик отвечал прерывающимся голосом: “Господин президент, я был два года барабанщиком в полку, но полковник рассердился на меня и

прогнал. Я заболел и долго пролежал в госпитале. Меня только что выписали, и я пришел к вам просить – нельзя ли что-нибудь для меня сделать". Президент ласково посмотрел на него и спросил его, где он живет. "У меня нет дома", – отвечал мальчик. "Где твой отец?". "Он умер на войне". "Где твоя мать?" – продолжал президент. "Мать также умерла, у меня нет ни матери, ни отца, ни братьев... никого нет", – отвечал он, заплакав. Глаза Линкольна наполнились слезами. "Не можешь ли ты продавать газеты?" "Нет, – сказал мальчик, – я еще слишком слаб; доктор не позволил мне больше оставаться в госпитале, а у меня нет денег и некуда идти". Эта маленькая сцена, по описанию свидетелей, была до крайности трогательна. Президент вынул карточку и написал на ней несколько строк с просьбою позаботиться о бедном мальчике, передал ее просителю и указал, к кому обратиться. Мальчик ушел с улыбкою на лице, успокоенный мыслью, что он нашел теперь себе друга в лице президента Соединенных Штатов.

В другой раз двое стариков-провинциалов дожидались в приемной своей очереди говорить с президентом. "Ну, теперь твой черед, – сказал старик жене, когда Линкольн отпустил предшествующего посетителя. Старушка выступила вперед, сделала низкий реверанс и сказала: "Господин президент". Линкольн повернулся и, пожав ей руку, спросил самым ласковым голосом: "Чем могу вам служить, добрая леди?" – "Господин президент, – продолжала старушка, – я так смущена, что едва могу говорить. Мне еще никогда не приходилось разговаривать с президентом. Я – преданная Союзу женщина, живу в Мерилэнде; сын у меня тяжело ранен, лежит в госпитале; я просила отпустить его ко мне, но мне сказали, чтобы я обратилась к вам. Когда началась война, я послала его драться с южанами; если вы позволите мне взять его домой, я его выхожу, и как только поправится, он опять пойдет усмирять мятежников-южан. Сын у меня хороший мальчик и не станет увиливать от службы". Губа Линкольна задрожала, когда он выслушал старушку. "Да, да! Благослови вас Бог! Вам отдадут сына, если только он в силах двинуться из госпиталя", – и он написал ей записку к доктору.

Один из генералов действующей армии, рассказывая об отвращении, которое питал Линкольн к смертной казни за военные провинности, приводит следующий случай: "В первую же неделю после приема командования у меня оказалось двадцать четыре дезертира, приговоренных военным судом к расстрелу. Приговор должен был подписать президент. Он отказался. Я поехал в Вашингтон для личных объяснений. "Господин президент, – убеждал я его, – этот пример необходим; иначе

армии грозит полный упадок дисциплины. В этом случае помилование нескольких человек отзовется гибелью для многих". "Нет, генерал, – отвечал он мне, – и без того множество вдов проливают слезы в Соединенных Штатах. Не требуйте от меня, чтобы я увеличил их число; я не сделаю этого".

Сенатор конгресса мистер Келлог, находясь в Вашингтоне, получил телеграмму, что один из его соседей, которого он уговорил поступить в армию, приговорен за важную провинность военным судом к расстрелу – на следующий же день. В страшном волнении бросился он к военному министру; но все просьбы о помиловании были безуспешны. "Уж слишком много таких случаев осталось безнаказанными", – отвечал тот. В совершенном отчаянии Келлог из военного министерства направился в Белый дом. Часовой не хотел пускать его. Было уже поздно, и президент лег спать. Преодолев все препятствия, Келлог пробрался к нему в спальню и взволнованным голосом рассказал о содержании полученной им телеграммы. "Этого человека нельзя расстрелять, господин президент, – говорил он. – Я не оправдываю его. Но ведь это мой старинный сосед: как же я допущу, чтобы его расстреляли!" Линкольн, лежа в постели, спокойно выслушал своего старого коллегу и сказал наконец: "Да, я сам думаю, что расстрел не пойдет ему впрок. Дайте-ка мне перо", – и он написал приказ о помиловании.

В числе просителей, осаждавших дом президента, пришла какая-то бедная больная женщина и на вопрос Линкольна рассказала, что ее муж и три сына были в армии; мужа недавно убили, и она нуждалась в помощи, оставшись совершенно одна; поэтому она просила отпустить к ней старшего сына. Линкольн, по рассказу очевидца, пристально посмотрел в лицо женщины и отвечал ей самым ласковым голосом: "Конечно, конечно. Ведь вы отдали все, что у вас было; раз вы лишились своей главной опоры, вы имеете полное право на одного из сыновей". И он тотчас же выдал обрадованной матери приказ об отставке сына. Однако через неделю она опять появилась в приемной Белого дома. Бедная опоздала. От командира полка, в котором служил ее сын, она узнала, что последний умер от тяжелой раны, полученной в одном из недавних сражений. Увидев опять убитую горем женщину и выслушав ее грустный рассказ, растроганный президент сказал ей: "Я знаю, чего вы хотите, и все сделаю без вашей просьбы: я отпущу к вам второго сына". И во второй раз он тут же написал ей приказ об отставке. Вручая ей драгоценную бумажку, он сказал: "Теперь у нас с вами по одному из оставшихся двух мальчиков; так будет вполне справедливо". Растроганная до слез женщина положила руку на голову

Линкольна и воскликнула торжественным голосом: “Да благословит вас Бог, мистер Линкольн. Да продлит Он дни ваши и чтобы вы всегда были главою этого великого народа!”

Только один раз, как рассказывают, президент остался непреклонным, и вот по какому случаю. Известный торговец невольниками был посажен в тюрьму и приговорен к штрафу в тысячу долларов. Когда кончился срок его заключения, он, не будучи в состоянии уплатить штраф, написал жалобное письмо Линкольну, в котором, признавая свою вину, просил о снисхождении. Но письмо не произвело никакого впечатления на президента. “Меня могут умолить о прощении даже убийцы, – сказал он, – я знаю, что излишнее мягкосердие составляет мою слабость; но человек, который в состоянии поехать в Африку, чтобы награбить там детей и потом продать их в вечную неволю, с единственной целью нажить столько-то долларов и центов... да это хуже самого зверского убийства. Хотя бы ему пришлось умереть в тюрьме, я не выпущу его на свободу”.

Один из почитателей Линкольна рассказывает про него следующий случай:

“У этого гиганта было нежное сердце женщины. Многие считали это слабостью. Он не мог равнодушно видеть страдания, и ему было противно причинять их другим. В один жаркий день, проходя по тенистой аллее от президентского дома к военному министерству, я увидел на траве под деревом высокую неуклюжую фигуру президента. Его встретил на дороге и обратился к нему за советом раненый солдат, который хлопотал о пенсии и недоданной части жалованья. Линкольн уселся под деревом, прочитал все документы просителя и указал ему, куда обратиться по его делу, снабдив его при этом рекомендательной запиской”.

Многие не одобряли излишней доступности президента и находили, что много времени у него пропадало на бесполезные приемы. У Линкольна был свой строго определенный взгляд на этот предмет, и он находил, что в свободной стране, подобной Америке, каждый имел право на свободный доступ к нему. “Я чувствую, – говорил он в ответ на такие возражения, – что время, затраченное на непосредственные контакты с представителями народа, приносит наибольшую пользу. Люди, вращающиеся в официальных сферах, склонны и сами заразиться излишней официальностью, – даже, пожалуй, самовластием, – и позабыть, что они пользуются властью только временно, как представители других. Это совсем не годится. Два раза в неделю я принимаю без разбору всех, и каждый имеющий до меня дело дожидается своей очереди, как в лавке цирюльника. Правда, мне приходится

выслушивать много вздора, но много и такого, что имеет значение; все это вместе взятое постоянно удерживает в моем уме представление о той великой народной массе, из которой я вышел и в которую я должен возвратиться”.

В своем разговоре Линкольн постоянно прибегал к пояснительным примерам или притчам из народной жизни; речь его оснащали разные поговорки, побасенки и смешные истории. Благодаря этому приему слова его были понятны для самого тупого человека и производили сильное впечатление на массы. Раз к нему явился фермер с жалобой, что солдаты федералистов, проходя через его владения, взяли его лошадь и захватили сколько-то сена; при этом он требовал вознаграждения за убытки. Линкольн посмотрел на него с добродушной усмешкой и сказал: “Послушайте, мой любезный сэр, если разбирать каждое такое дело, то ведь работы хватит на двадцать президентов. Вы напомнили мне одного моего знакомого в старые времена в Иллинойсе. Его звали Джэк Чэз, и в трезвом виде он был лучшим сплавщиком лесных плотов на Миссисипи. Когда появились пароходы, его сделали капитаном. Переходя пороги, он всегда сам стоял за штурвалом. Раз, во время такого перехода, когда пароход швыряло во все стороны в клокочущей пене и Джек весь обратился во внимание, – какой-то мальчишка дернул его за фалды и закричал: “Слушайте, мистер каптен! Остановите на минутку пароход! Я уронил в воду яблоко”.

Во время одного из утренних приемов к Линкольну явился посетитель, отрекомендовавшийся как самый преданный друг президента, которому последний обязан своим выбором на эту должность. На этом основании он просил у Линкольна одно из вакантных тогда мест в правительственной службе. “Вот как, – сказал Линкольн, – следовательно, я вижу перед собою человека, отравившего всю мою жизнь. Нет у меня для вас места, будьте уверены в этом. Желаю вам доброго утра”.

Строгий пуританин в жизни и привычках, Линкольн повторял иногда своим сыновьям такое маленькое поучение: “Не пей, не кури, не жуй[4], не бранись, не играй, не лги. Люби Бога, людей, люби правду, люби добро и будь счастлив”.

Глава X. Смерть

Новый главнокомандующий Грант. – Победа под Ричмондом и сдача генерала Ли. – Фактический конец войны. – Восторг освобожденных рабов. – Бегство Дэвиса. – Отношение к нему Линкольна. – Вторичное избрание Линкольна президентом. – Линкольн – предмет обожания освобожденных негров. Его стремление возобновить добрые отношения с южанами. – Праздник в Вашингтоне. – Торжественный спектакль. – Убийство Линкольна. – Объявление о смерти президента. – Ужас и отчаяние по всей стране. – Сочувствие Европы. – Похороны и погребальный поезд. – Могила в Спрингфилде

В начале 1864 года громадная северная армия, более чем в полмиллиона человек, под начальством нового главнокомандующего, назначенного Линкольном, генерала Гранта, двинулась по направлению к Виргинии. Перед тем состоялся новый набор в пятьсот тысяч человек; северяне делали еще одно громадное усилие для скорейшего подавления Юга.

После этого война тянулась еще более года и завершилась рядом кровопролитных битв, имевших главной целью отвоевать занятые южанами виргинские города – Ричмонд и Петербург. Окончательная победа увенчала усилия северян только в марте следующего года. 9 апреля 1865 года главнокомандующий южан, генерал Ли, с последним остатком своего войска в двадцать восемь тысяч человек сдался в Апоматокс-Гоузе, близ Ричмонда. Этой победой в действительности завершилась ужасная война, так как вскоре после того сложили оружие и остальные части армии конфедератов. Последняя победа была куплена дорогой ценою: из строя убитыми и ранеными было выведено не менее десяти тысяч человек.

На другой день после взятия Ричмонда Линкольн, находившийся тогда в действующей армии, приехал в покоренный город. Но это далеко не походило на торжественный въезд победителя; с ним был только его маленький сын, и вся его свита состояла из нескольких человек моряков. Но те сцены, которые он увидел в покоренном городе, главной твердыне южан, должны были хоть несколько смягчить ужасные впечатления братоубийственной борьбы, разрывавшей на части любящее сердце этого человека, и воочию показывали, что недаром пролились потоки человеческой крови. Здесь Линкольну в первый раз пришлось увидеть и благие результаты этой войны в той неописуемой радости, и счастье, которые несло с собою уничтожение рабства.

Едва он приехал в город, как с криками восторга его окружили толпы освобожденных негров. По описанию очевидцев, сцена была самая трогательная. Бедные, забитые создания теперь вполне сознавали, что они свободны, что угнетатели их побеждены. Они выражали свою радость, как дети, со всею страстностью их южной расы. С радостными рыданиями, с кликами: “Хвала, хвала Господу” толпились они около Линкольна; другие кричали: “Ура! Ура! Президент Линкум пришел!” Одна старая негритянка, стоя со сложенными благоговейно руками на пороге своего домишка, воскликнула в порыве религиозного восторга: “Благодарю Тебя, о Иисус, что дал мне увидеть президента Линкума!” Другой старый негр, сняв шляпу, призывал благословение Божие на “массу Линкума”.

После падения Ричмонда Джефферсон Дэвис, бывший президент конфедератов, скрылся в южные штаты. Позже, вместе с другими предводителями южан, его арестовали, но только на короткое время. Линкольн так страстно желал мира, успокоения страны и скорейшего “забвения старой распри”, что, конечно, был очень доволен побегом Дэвиса. Передают его очень забавный рассказ, – совершенно в его духе, – в ответ на заданный ему во время сдачи генерала Ли вопрос: “Что он думает делать с Дэвисом?”

– Был в Спрингфилде мальчик, который накопил денег и купил на них енота. Через несколько времени зверек ему надоел и он не знал, что с ним делать. Как-то шел он по улице, отбиваясь от злобной твари, которая изорвала ему все платье; совсем измученный встал он на тумбу. Прохожий обратил внимание на его истерзанный костюм и спросил его, в чем дело. “Мне такая возня с енотом...”. “Так зачем же ты не отделаешься от него?” – сказал прохожий. “Тс-с, тише”, – проговорил мальчик, – разве вы не видите, что он перегрызает веревку? Я ему не помешаю, а дома скажу, что он от меня убежал”.

В 1864 году, еще когда война была в самом разгаре, наступил срок выборов нового президента. Несмотря на все усилия южан вернуть свое прежнее господство в конгрессе, было ясно, что выбор народа падет опять на Линкольна.

Во время заседаний Балтиморского конвента, назначившего его кандидатом, Линкольн, в ответ представителям Лиги Национального Союза, произнес речь, указывавшую на неудобства перемены президента во время войны, замечательную еще в том отношении, что одно место из нее, а именно слова о перепряжке лошадей при переправе через реку вошли как поговорка в язык. “Конечно, я не могу предположить, – сказал между прочим Линкольн, – чтобы конвент или лига пришли к заключению, что я

– величайший или лучший человек в Америке; но я думаю, что они признают неразумным *перепрягать лошадей во время переправы через реку* и не считают меня уж за такую плохую лошадь, чтобы подобная перепряжка обошлась совсем без беды".

Можно себе представить, с какою восторженною любовью относились теперь по всей Америке рабы-негры к своему освободителю. Рассказывают, что в 1864 году в день Нового года толпы негров окружали Белый дом – "в ожидании своего благодетеля, которого они обожали как сверхъестественное существо". Позже, когда более смелые из них проникли вовнутрь и увидели, что двери дома одинаково открыты как для белых, так и для черных, то их восторг и удивление не поддавались описанию. Один из присутствовавших во время их появления в приемной говорит: "Целых два часа подряд Линкольну приходилось пожимать руку своим белым посетителям; это страшно его утомило. Но при появлении толпы черных он оживился и радушно их приветствовал, что привело их в неописуемый восторг. Они смеялись и плакали, и сквозь слезы кричали: "Да благословит вас Бог! Да благословит Бог Авраама Линкольна! Да благословит Бог массу Линкума!"

4 марта 1865 года Авраам Линкольн во второй раз вступил в должность президента. Хотя война еще не прекратилась, но уже замечались признаки близкого мира. Его выбрали подавляющим большинством голосов, какого до тех пор еще не получал ни один президент. В своей речи в конгрессе 11 апреля, через два дня после сдачи генерала Ли, он высказывал желание, чтобы отделившиеся от Союза штаты встретили самое снисходительное отношение со стороны правительства и чтобы добрые чувства были как можно скорее восстановлены. Ясно, что президент ожидал приближения новой, более счастливой эры для своего отечества.

Но в это самое время затевалось недоброе дело. Еще во время войны президент и члены правительства часто получали угрожающие письма от разных лиц, принадлежавших к партии южан, и, пока длилась война, жизнь их была в постоянной опасности. Линкольн до того привык к подобным письмам, что стал смотреть на них как на постоянную часть своей корреспонденции. Но война теперь приходила к концу. Север простирал южанам руку примирения и всякие опасения должны были исчезнуть. Однако некоторые из более отчаянных приверженцев южной партии не могли примириться с торжеством Севера; злоба и месть кипели в их груди к человеку, которому удалось разрушить их замыслы; результатом явился заговор с целью убить Линкольна.

14 апреля – день падения форта Сомтер в начале войны – был объявлен национальным праздником, и между другими общественными удовольствиями в Вашингтоне назначался вечерний спектакль в театре Фарда, в котором должен был присутствовать Линкольн и другие известные лица.

Настал вечер. Театр ломился от публики. Поднялся занавес; публика, приветствовавшая восторженными кликами президента, который занял место в ложе со своим семейством и несколькими друзьями, утихла, и всеобщее внимание сосредоточилось на сцене. Прошел час. В это время в ложу президента прокрался некто Джон Вилькс Бут, актер по ремеслу, фанатик крайней южной партии, и встал позади его кресла. Раздался выстрел. Линкольн упал с простреленной головой. Публика, хотя и пораженная выстрелом, вначале не поняла в чем дело, но ее скоро вывел из оцепенения сам убийца, который с криком: “Так да погибнут тираны, Юг отомщен!” – перескочил через барьер ложи на сцену и исчез в дверях, размахивая кинжалом.

Трудно описать тот ужас, который охватил публику, узнавшую, что Линкольн без сознания, и надежды нет никакой. Смятение увеличилось после выхода из театра на улицу, где распространилось другое известие, что государственный секретарь Сюард, ближайший сотрудник Линкольна, также подвергся нападению убийцы, Пейна Поуеля, и, израненный кинжалом, лежит больной в своей квартире.

Горесть и отчаяние в эту ночь охватили все население Вашингтона; к тому же распространились тревожные слухи, что все прочие члены правительства убиты и восстание на Юге возобновилось. Наутро жителей столицы ожидало ужасное известие. Утром 15 апреля 1865 года Авраам Линкольн скончался.

План убийства Линкольна был тщательно составлен заранее. Поблизости от театра убийцу Бута ожидала лошадь, на которую он успел вскочить, несмотря на полученные ушибы во время прыжка на сцену театра, и скрылся из виду. Горячая погоня преследовала его; но только по прошествии нескольких дней его удалось обнаружить на одной ферме в Южном Мэриленде. Солдаты окружили сарай и, когда он отказался сдаться, постройка была подожжена, его застрелили. Несколько из его товарищей по заговору были скоро арестованы; четверо из них были впоследствии повешены. Вскоре открылось, что, кроме Линкольна, действительно предполагалось убить всех других членов кабинета. Из бумаг, найденных в чемодане Бута, обнаружилось, что убийство Линкольна было задумано еще до разгрома армии генерала Ли; но план расстроился вследствие

отказа других сообщников Бута осуществить заговор до получения окончательных инструкций из Ричмонда, где был правительственный центр конфедератов.

Горе и плач наполняли теперь всю страну; ничего подобного, по описанию одного из биографов Линкольна, ему не приходилось видеть. “Везде был мрак отчаяния и траур. Мужчины плакали в публичных местах; женщины рыдали, сидя с детьми на порогах домов. Незнакомые люди останавливались на улицах и вступали в разговор, прерываемый слезами. Никогда я не видел такой картины искреннего горя людского. Громадная толпа волновалась на улицах Филадельфии в каком-то отупении, не зная что делать от горя. В сознании общей потери к вечеру ужасного дня уже вся нация была в трауре”.

Но нигде отчаяние и горе не достигали такого предела, как между освобожденными неграми, за которых Авраам Линкольн отдал свою жизнь. Они наполняли улицы, оглашая их воплями, и скорбь их надолго пережила смерть президента.

Горе, вызванное убийством Линкольна, не ограничилось одними Соединенными Штатами. Все образованные страны соединились в общем выражении ужаса и соболезнования по поводу этой смерти. Все сознавали, что смерть такого человека, как Авраам Линкольн – мировая утрата, и горе по нему – мировая скорбь.

Многие из друзей Линкольна требовали, чтобы он был похоронен в Вашингтоне; но штат Иллинойс предъявил свои неотъемлемые права, чтобы прах его величайшего гражданина был погребен на его земле, и ему должны были уступить.

После торжественной заупокойной службы в Вашингтоне, бывшей днем траура по всей стране, гроб с телом Линкольна был принят на железнодорожный поезд, который, переезжая из штата в штат, доставил дорогой народу прах в Иллинойс.

Здесь, в Спрингфилде, среди близких друзей и знакомых, где прошли лучшие годы его молодости и где началась его общественная деятельность, покоится прах *Доброго Президента.*

notes

Примечания

1

В 1820 году мнения по вопросу о невольничестве сильно разделились и появилось много заявлений против его дальнейшего распространения; наконец, споривше партии пришли к соглашению и конгресс издал закон, так называемое “Миссурийское соглашение”(“Missouri Compromise”), по которому невольничество дозволялось по всей территории Америки к югу от 36˚ 36' широты, но воспрещалось к северу от этой черты. Другими словами – система невольничества узаконялась в южных штатах союза; северные же были признаны свободными

2

Конгрессом называется национальное законодательное собрание Соединенных Штатов Северной Америки. Он состоит из сената и палаты представителей. Каждый штат посылает в конгресс двух сенаторов, избираемых на шесть лет местным собранием штата, причем одна треть всех сенаторов, заседающих в конгрессе, подвергается новым выборам через каждые два года. В палату представителей каждый штат посылает одного или двух членов, смотря по населению, избираемых всеми гражданами мужского пола, которым исполнилось двадцать один год. Они заседают только два года. Сенаторы должны иметь не менее тридцати лет от роду. Члены конгресса – не менее двадцати пяти. Как сенаторы, так и представители, или члены, конгресса получают по пяти тысяч долларов в год и разъездные деньги. Во главе конгресса стоит президент, представитель исполнительной власти, избираемый сроком на четыре года

3

Так называются в Америке большие пространства земли, еще не вошедшие в состав какого-либо штата или в Союз как независимый штат, но имевшие временное правительство по назначению конгресса и президента

4

Между американцами очень распространена привычка жевать табак